СИДНИ
ШЕЛДОН
Если наступит завтра
2
Тилли Бэгшоу

Тилли Бэгшоу

Сидни Шелдон. Если наступит завтра – 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14393583
Бэгшоу, Тилли. Сидни Шелдон : Если наступит завтра – 2 : [роман]:
АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-088127-7

Аннотация

…Семейное счастье Трейси и ее партнера по криминальному бизнесу, неотразимого «вора-джентльмена» Джеффа Стивенса, было недолгим. Их новая жизнь, где больше нет места опасным авантюрам, кажется Трейси пресной и пустой.

Но когда однажды Трейси бесследно исчезает, Джефф понимает: во что бы то ни стало он должен найти и вернуть ее. Пусть даже ради этого ему придется рискнуть собственной жизнью и вступить в поединок с очень опасными людьми из мира, частью которого когда-то были они с Трейси…

Содержание

Часть 1 5
Пролог 5
Глава 1 10
Глава 2 30
Глава 3 50
Глава 4 62
Глава 5 92
Глава 6 101
Конец ознакомительного фрагмента. 120

Тилли Бэгшоу
Сидни Шелдон. Если наступит завтра – 2

Катрине с любовью

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Tilly Bagshawe

SIDNEY SHELDON'S CHASING TOMORROW

Печатается с разрешения Sidney Sheldon Family Limited Partnership и литературных агентств Janklow & Nesbit Associates и Prava I Prevodi International Literary Agency.

© Sheldon Family Limited Partnership, successor to the Rights and Interests of Sidney Sheldon, 2014

© Перевод. Т. Перцева, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Часть 1

Пролог

Рио-де-Жанейро, Бразилия

Он повернулся и с упавшим сердцем оглядел пустую церковь.

– Она не придет, верно? Передумала.

– Конечно, придет, Джеф. Расслабься.

Гюнтер Хартог с искренней жалостью посмотрел на Джефа Стивенса и подумал: «Как ужасно, должно быть, любить кого-то!»

Джеф Стивенс был одним из лучших в мире среди талантливых мошенников. Утонченный, светский, богатый и обаятельный, Джеф пользовался безумным успехом у противоположного пола. Обладая атлетическим сложением, привлекательной внешностью и аурой подлинной мужественности, он мог заполучить любую женщину, стоило только захотеть. Проблема заключалась в том, что он не хотел любую. Он хотел Трейси Уитни. А от Трейси Уитни всего можно ожидать…

Трейси Уитни была самой талантливой в мире мошенницей. Джеф Стивенс далеко не сразу понял, что не может жить

без нее. Но теперь он это знал точно.

На душе становилось все тревожнее. Слава богу, в церкви не было гостей. Ни одного свидетеля его унижения. Если не считать Гюнтера и раздражительного старого священника отца Альфонсо.

Где она?

– Она опаздывает на четверть часа, Гюнтер.

– Это право невесты.

– Нет, дело не в этом. Что-то неладно.

– Ничего подобного.

Старик снисходительно улыбнулся. Он был крайне польщен, когда Джеф пригласил его стать шафером на их с Трейси свадьбе. Бездетному Гюнтеру было уже под семьдесят, и он любил Джефа и Трейси как родных. Их союз значил для него все. Особенно после удара, нанесенного их совместным решением отойти от дел и начать честную жизнь. По мнению Гюнтера Хартога, это было настоящей трагедией. Такой же, как решение Бетховена уйти на покой после Четвертой симфонии.

Все же как чудесно было вернуться в Бразилию! Теплый влажный воздух. Запах – восхитительных кусочков трески в кляре, жарившихся на каждом углу. Мятежные краски буйствующих повсюду тропических цветов и ослепительно ярких женских платьев, нарядных фресок и витражей крошечной барочной церкви Святой Риты, где они теперь стояли. Все это заставляло Гюнтера снова почувствовать себя моло-

дым и полным сил.

– Что, если Пьерпонт догадался? – Джеф озабоченно нахмурился.

– Что, если… – Он осекся на полуслове. В дверях стояла Трейси Уитни. Жаркое солнце за ее спиной образовало нечто вроде сияющего ореола. Словно Трейси была посланным с небес ангелом.

Его ангелом.

На душе Джефа сразу стало легко.

Стройную фигуру Трейси идеально облегало кремовое шелковое платье. Блестящие каштановые волосы золотом ниспадали на плечи, как расплавленная патока. За эти годы Джеф видел ее в десятках обличий – Трейси в совершенстве владела искусством изменения внешности, что являлось залогом ее удачливости в делах, но она никогда не выглядела прекраснее, чем сейчас. Мать Трейси часто твердила, что дочь вобрала в себя все оттенки ветра. Джеф точно понимал, что имела в виду Дорис Уитни. Сегодня глаза Трейси, невероятные глаза, цвет которых менялся от зелени мха до темного нефрита, в зависимости от настроения, сверкали счастьем и чем-то еще. Торжеством, возможно? Или возбуждением?

Джеф Стивенс ощутил, как колотится сердце.

– Привет, Гюнтер, дорогой!

Трейси решительно подошла к старику, расцеловала в обе щеки.

– Как чудесно, что ты приехал! – Трейси любила Гюнтера как отца, потому что скучала по своему. Она надеялась, что тот гордился бы ею сегодня. – Прости, я опоздала, – обратилась она к Джефу.

– Никогда не извиняйся. Для этого ты слишком красива.

Он заметил, как она раскраснелась, а лоб слегка вспотел. Неужели бежала?

Трейси улыбнулась:

– У меня веская причина. Я забирала твой свадебный подарок.

– Понятно, – улыбнулся Джеф. – Что же, я люблю подарки.

– Знаю, дорогой.

– Особенно когда их делаешь ты.

Священник нетерпеливо заворчал, посмотрев на часы:

– Возможно, нам стоит начать?

Через час отцу Альфонсо предстояло проводить крестины. Хорошо бы эти надоедливые американцы поскорее убрались. Ощущение сексуальной химии между Джефом Стивенсом и Трейси Уитни выводили его из равновесия. Отец Альфонсо чувствовал себя не в своей тарелке, словно совершал грех, всего лишь стоя рядом с ними. Но они очень хорошо заплатили за проведение церемонии почти в последний момент.

– Так ты получила его? – спросил Джеф, не сводя серых глаз с Трейси.

– Что именно?

– Мой подарок, конечно.

– О да! – Трейси сделала гримаску. – Еще как получила.

Джеф страстно поцеловал ее в губы.

Отец Альфонсо громко кашлянул.

– Пожалуйста, мистер Стивенс, постарайтесь сдерживаться. Вы в доме Господнем. Это место поклонения. Вы еще не женаты.

– Простите.

Джеф ухмыльнулся. Вид у него был совсем не покаянный.

«Она сделала это! Трейси сделала это! Перехитрила великого Максимилиана Пьерпонта. После стольких лет!»

Джеф с обожанием смотрел на невесту. Он никогда не любил ее больше, чем в этот момент.

Глава 1

Аэропорт Схипхол, Амстердам
Десятью днями ранее

Трейси Уитни откинулась на спинку кресла номер 4В первого класса и вздохнула. Ее переполняла радость – через несколько часов они с Джефом встретятся. И поженятся в Бразилии.

«Больше никаких воровских дел, – подумала она, – я вполне обойдусь без них. Жизнь достаточно волнующая штука, особенно если ты миссис Джеф Стивенс».

Их последнее дело – кража бесценного бриллианта «Лукулл» на алмазной фабрике в Амстердаме – было прекрасной лебединой песней. Трейси и Джеф вместе сумели перехитрить голландскую полицию и Дэниела Купера – упертого частного сыщика, нанятого ассоциацией страховщиков, гонявшегося за ними по всей Европе. Этот человек едва не убил Трейси. Она считала, что их последнее дело было просто блестящим. И деньги им больше не нужны. Идеальное время, чтобы уйти на покой.

– Прошу прощения.

Рядом с ней остановился одутловатый мужчина средних лет со следами разгульной жизни на лице. Он показал на кресло у окна.

– Это мое место, крошка. Прекрасный день для полета, не так ли? – фамильярно спросил он, протискиваясь мимо.

Трейси отвернулась. Ей вовсе не хотелось разговаривать со случайным попутчиком.

Мужчина уселся и подтолкнул ее локтем.

– Поскольку мы оказались в соседних креслах, милочка, почему бы нам не познакомиться? Меня зовут Максимилиан Пьерпонт.

Лицо Трейси осталось бесстрастным, но память мгновенно выдала информацию: «Максимилиан Пьерпонт. Легендарный корпоративный рейдер. Покупает компании и обдирает как липку. Безжалостен. Трижды разведен. Владелец самой ценной коллекции яиц Фаберже, кроме той, что хранится в петербургском Эрмитаже».

– Графиня Валентина ди Сорренти, – представилась она, протягивая руку.

– Графиня? Вот как? Очарован.

Максимилиан прижал губы к запястью Трейси. Мокрые и скользкие, как у жабы.

Она заставила себя улыбнуться.

Впервые Трейси услышала это имя на борту судна «Королева Елизавета II» много лет назад, когда она и Джеф Стивенс оказались пассажирами на корабле, плывшем в Лондон. Джеф намеревался ограбить самого бессовестного негодяя в мире – Максимилиана Пьерпонта, но вместо этого заключил хитроумное пари с Трейси, обманом втянув в игру двух шах-

матных гроссмейстеров, не подозревавших, что они играют друг с другом.

Позже Гюнтер нанял Трейси ограбить Пьерпонта в Восточном экспрессе, идущем в Венецию, но Максимилиан там не появился.

Дорис, горячо любимая мать Трейси, покончила с собой, после того как Джо Романо, местный мафиозо в ее родном Новом Орлеане, хитростью и обманом лишил ее семейного бизнеса. Отец Трейси положил жизнь на создание «Уитни отомотив патс компани». После его смерти Романо организовал захват компании, уволив всех работников и оставив Дорис без единого пенни.

Трейси давно отомстила Джо Романо, но ненависть к подобного рода людям так и не угасла. Она свято верила, что в аду имеется уголок, предназначенный специально для максимилианов пьерпонтов этого мира.

«На этот раз, ублюдок, ты не уйдешь».

Полет был долгим. Трейси мило болтала с Пьерпонтом почти два часа, прежде чем он громко захрапел. У нее было достаточно времени, чтобы немного приукрасить свою легенду. Она и раньше играла роль графини Валентины ди Сорренти и прекрасно знала свою историю. Валентина была вдовой.

– Бедный Марко! Он умер таким молодым… глупая смерть – разбился на гидроцикле на Сардинии. Я видела все

с верхней палубы нашей яхты «Эль Парадизо», – поведала она.

Происходила Валентина из древнего аристократического рода. Недавно потеряла отца и намекала на большое наследство, не вдаваясь в детали. Деталей, по опыту Трейси, лучше всего избегать, особенно когда операция только готовится. Она постаралась выказать отсутствие всякого понимания финансовых вопросов и тонкостей, что заставило алчные глаза Пьерпонта сиять так же ярко, как в тех случаях, когда он глазел на ее грудь, что проделывал часто и без малейшего смущения. К концу разговора Трейси согласилась поужинать с ним в одном из лучших ресторанов Рио.

Довольная тем, что надоедливый Пьерпонт уснул, Трейси взяла из кармашка переднего сиденья журнал. Первая же статья была о растущей стоимости прибрежной собственности в Бразилии и содержала рассказ о поместье с бассейном олимпийских размеров и садами, которые могли бы соперничать с Версальским дворцом.

Трейси благоговейно провела пальцем по фотографиям.

«Мы с Джефом были бы счастливы в таком месте. Наши дети могли бы плавать в этом бассейне. Они обязательно станут изумительными пловцами. Когда-нибудь наша дочь выйдет замуж в этом саду, и девочки с корзинками будут разбрасывать лепестки у нее на пути, усеивая ими газон…»

Она рассмеялась над собой. Может, сначала им с Джефом следует пожениться? Не все фантазии сразу!

Вторая статья была о защите окружающей среды и разрушительном влиянии эрозии на прибрежные населенные пункты к югу от Рио. Трейси читала о фермерах, которые потеряли все, о заброшенных деревнях, которых забрало море. Читала об ужасных случаях, когда обитатели многих фавел были погребены заживо под реками жидкой грязи.

Только когда снова зажглось табло «Пристегните ремни» и самолет начал снижаться над аэропортом Рио, перед глазами замелькали самые разнообразные сцены: она и Джеф у алтаря, огромные бассейны в виде знака бесконечности, особняки, трущобы и грязевые потоки. Максимилиан Пьерпонт, прижимающий омерзительно мокрые губы к ее коже, мать, с закрытыми глазами подносящая пистолет к виску…

– Да, – внезапно прошептала она.

– С вами все в порядке, милочка?

Проснувшийся Пьерпонт наклонился ближе. От него пахло луком.

– О, простите. Да, все в порядке. – Графиня Валентина взяла себя в руки. – Люблю бывать в Бразилии. Всегда так волнуюсь, когда мы идем на посадку.

– Я тоже, беби. – Пьерпонт сжал ее бедро и призывно подмигнул. – Я тоже.

Вечером он отвез Трейси в «Квадрифолио» – трехзвездочный ресторан в одном из безлюдных переулков рядом с Ботаническим садом.

– Вы так щедры, мистер Пьерпонт.

– Пожалуйста, я для вас Макс.

– Макс? – Трейси улыбнулась.

Она выглядела неотразимо в белой кружевной блузке от Шанель и длинной черной юбке от Ральфа Лорена, подчеркивавшей тонкую талию. Бриллианты в ушах и на шее, безупречно ограненные, говорили о настоящем богатстве и при этом были небольшими, что указывало на «старые деньги». Макс Пьерпонт был человеком вульгарным, но презирал вульгарность в других, особенно в женщинах. Но эта – само совершенство. Едва они приземлились, Макс поискал информацию о графине в Интернете. Ее семья была одной из старейших и благороднейших в Южной Америке.

Интересно, сколько времени уйдет на то, чтобы освободить ее от модных одежек и затащить в постель?

– Итак, Валентина, что вас привело в Рио?

Он до краев наполнил ее бокал густым красным вином «Квинта де ла Роза».

Прелестное лицо графини опечалилось.

– Бизнес. – Она посмотрела на Пьерпонта нежными грустными глазами. – И трагедия. Я уже говорила, что мой отец недавно скончался.

Максимилиан сжал ее пальцы пухлой влажной ладонью.

– Он оставил мне прекрасное наследство. Почти милю земли вдоль побережья. Я думала построить там дом. Могло бы получиться изумительное поместье. У меня есть разре-

шение на строительство. Какие там виды! Так не расскажешь – нужно смотреть, но… – Она тяжело вздохнула. – Этому не суждено случиться.

– Почему?

Макс насторожился подобно гончей, почуявшей запах лисы. Деловые инстинкты пробудились мгновенно. Цена прибрежной собственности в Бразилии постоянно росла.

– Просто мне будет очень грустно. Я всегда буду думать о папе. – Трейси в обличье графини ди Сорренти печально вздохнула.

– Да. Это ужасно. Что вы собираетесь делать с землей? – с деланой небрежностью спросил Макс.

Трейси заметила алчность, промелькнувшую в его маленьких глазках, но спокойно пригубила вино.

– Я думала сохранить ее в первозданном виде. Но потом решила, что грех позволить такой красоте пропадать зря. Кто-то должен восхищаться такими пейзажами, даже если я не могу.

– Очень благородно с вашей стороны. Вижу, вы очень великодушны, Валентина.

– Спасибо, Макс.

Принесли заказ. Трейси была вынуждена признать, что еда великолепна. Особенно была вкусна полента с икрой и яичным желтком. Трейси поняла, почему знаменитости вроде Билла Клинтона и Фиделя Кастро, не говоря уж о бизнес-элите Рио, предпочитали обедать здесь.

– Возможно, мы сумеем помочь друг другу, графиня.

Максимилиан запихивал еду в рот с такой быстротой, словно обедал в «Макдоналдсе».

– Валентина, – проворковала Трейси.

– Видите ли, Валентина, недвижимость – одна из моих страстей. Я смог бы освободить вас от этого бремени и построить там нечто прекрасное. Если я продам дом за хорошую цену, мы сможем поделить прибыль. Как вам это предложение? Таким образом земля не будет пропадать зря, и все не останутся внакладе.

– Чудесная мысль. – Трейси снова вздохнула, откинувшись в кресле. – Жаль, Макс, что мы не встретились раньше. Но боюсь, уже слишком поздно.

– О чем вы?

– Я согласилась продать землю церкви. Шесть акров, прекрасное место для небольшого монастыря. Монсиньор Кунарди показал мне чертежи церкви, которую он желает там возвести. Очень просто и элегантно. Думаю, папа бы одобрил.

Максимилиана словно ударили ножом в грудь.

«Забудь папу. Кто строит церковь на лучшем в Рио прибрежном участке земли?»

– Могу я спросить, сколько вам предложил монсиньор?

– Пять миллионов бразильских реалов. Это щедрое предложение.

Пьерпонт едва не подавился вином. Пять миллионов реа-

лов – меньше чем два миллиона долларов. Шесть акров земли на побережье с разрешением на строительство стоили по крайней мере в десять раз больше. Глупая сучка явно не пыталась оценить землю.

– Это хорошая цена, Валентина, – с серьезным видом одобрил он. – Но что, если я предложу больше? Скажем, шесть миллионов? Как друг. Я мог бы построить поместье вашей мечты в точности как вы представляли.

– Это было бы великолепно, Макс!

– Прекрасно!

Пьерпонт торжествующе ухмыльнулся. Какая удача – встретить на борту самолета эту богатую сексапильную дурочку! Теперь оставалось ее обмануть и заодно трахнуть. И все за стоимость одного несчастного ужина.

– Когда я смогу увидеть участок?

Трейси обиженно уставилась на него:

– Боюсь, слишком поздно.

– О чем вы?

– Сделка с монсиньором Кунарди завершается завтра.

– Завтра?

– Да. Я здесь, чтобы лично наблюдать за переводом денег. Если бы только мы встретились раньше… Так или иначе, довольно о бизнесе. Должно быть, я ужасно вам надоела со своими проблемами. Да, кстати, говорят, за здешние десерты можно умереть. – И Трейси принялась изучать десертное меню.

У Пьерпонта было лицо человека, сквозь пальцы которого утекают миллионы.

– Послушайте, мне необязательно самому видеть землю. Вы сказали, что у вас на руках разрешение на строительство и документы на право собственности?

Трейси серьезно кивнула.

– Если сможете завтра утром предоставить копии вместе с документами на владение собственностью, этого будет достаточно. Думаете, это возможно, Валентина?

– Конечно. – Глаза мнимой графини загорелись. – Но вы не пожелаете заплатить такую огромную сумму, даже не увидев земли. Нужно обязательно пройтись по участку, чтобы оценить магию этого места. Папа всегда говорил…

– Уверен, что это именно так, – оборвал графиню Макс, не в силах больше слушать ее идиотские рассуждения. Его не интересовали ни «магия», ни рассуждения ее глупого отца. Но он по-прежнему хотел затащить графиню в постель. Хотя с этим можно подождать, пока сделка не будет завершена.

– Итак…

Трейси широко улыбнулась:

– Завтра я пришлю бумаги. Должна сказать, Макс, вы невероятно добры.

– Вовсе нет, Валентина. Просто мне ненавистна даже мысль о том, что ваша мечта не осуществится. – Максимилиан повелительно щелкнул пальцами. – Принесите нам шампанского. Лучшего! Мы с графиней ди Сорренти празднуем!

В эту ночь Джеф позвонил Трейси на мобильный:

– Я пытаюсь связаться с будущей миссис Стивенс.

При звуках его голоса сердце Трейси подпрыгнуло.

– Боюсь, вы ошиблись номером. Это графиня Валентина ди Сорренти.

Ни один мужчина не действовал на Трейси так, как Джеф. Даже Чарлз Стенхоуп, первый мужчина, за которого она хотела выйти замуж. Давно. В Филадельфии. В другой жизни. Чарлз предал ее. Когда Трейси посадили в тюрьму за преступление, которого она не совершала, он даже пальцем не пошевелил, чтобы ей помочь.

Джеф Стивенс был другим. Трейси доверяла ему безоговорочно. И однажды он спас ей жизнь. Именно тогда Трейси впервые поняла, что он ее любит. Каждый день с Джефом был приключением. Вызовом. Восторгом. Ирония заключалась в том, что единственный человек на земле, которому она полностью доверяла, был мошенником.

– Я думал, мы покончили с делами, – заметил Джеф.

– Так и будет, как только я разделаюсь с этим. Речь идет о Максимилиане Пьерпонте, ради всего святого!

– Сколько времени это займет? – огорченно спросил Джеф.

«Он тоскует по мне. Хорошо», – подумала Трейси.

– Неделю максимум.

– Я не могу ждать так долго, Трейси.

– Валентина, – поддразнила она. – Хотя можешь называть меня графиней.

– Я хочу, чтобы ты была в моей постели, а не на другом конце телефонной линии.

Голос Джефа был хриплым от желания. Трейси сжала трубку, изнемогая от страсти. Она тоже отчаянно хотела его. Всего неделю назад они были вместе в Амстердаме. Но ее тело уже соскучилось по нему.

– Нельзя, чтобы нас видели в Рио вместе. По крайней мере, пока я не пригвоздила Пьерпонта.

– Почему нет? Я могу быть графом ди Сорренти.

– Он погиб.

– Черт. Как?

– На Сардинии. Разбился на гидроцикле.

– Негодяй! Он это заслужил.

– Я видела, как это случилось, с палубы нашей яхты.

– Еще бы, графиня, – хмыкнул Джеф. – А если я вернусь в качестве его призрака?

– Увидимся в церкви в следующее воскресенье, дорогой. Я буду крутой девчонкой в белом платье.

– Скажи хотя бы, где остановилась.

– Спокойной ночи, мистер Стивенс.

Контора адвоката была тесной и душной и ютилась на одной из улочек недалеко от авениды Рио-Бранко в деловом центре Рио.

– Уверены, что разрешения подлинные?

– Да, графиня ди Сорренти.

– И это все? Мне больше ничего не понадобится, кроме свидетельства на право собственности, – Трейси взмахнула пачкой бумаг, – чтобы начать работы на этом участке?

– Нет, графиня.

Адвокат нахмурился еще сильнее. Он сто раз объяснял ситуацию прелестной молодой леди. Но она так и не смогла все осознать. Графиня, конечно, богата и красива, но, к сожалению, глупа как пробка. Он попытался в последний раз:

– Вы понимаете, что существует проблема…

Трейси сделала повелительный жест, прежде чем полезть в винтажную сумочку от Луи Виттона за золотой ручкой «Монблан».

– Сколько я вам должна?

«Как угодно», – подумал адвокат. Он сделал все, что мог.

Через пять дней после ужина с графиней ди Сорренти Пьерпонт решил взглянуть на последнее приобретение. Его путь лежал мимо живописных пляжей Зеленого берега. Графиня, верная своему слову, наутро после ужина прислала с курьером копии свидетельства на собственность и разрешение на строительство. Через час Пьерпонт отправил шесть миллионов реалов на ее швейцарский счет. Земля перешла к нему.

Но лишь сегодня, покончив с делами, он смог наконец по-

ехать и посмотреть на участок.

Шесть акров первоклассной земли у подножия скал – шесть акров! – с собственным пляжем, до которых легко добраться из Рио или из Парати. Максимилиан Пьерпонт не мог поверить своей удаче. Более того, он намеревался трахнуть прелестную графиню Валентину, как только вернется в город. Она пригласила его к себе на ужин, а это всегда хороший знак. Дом графини стоял на одной из лучших улиц в Леблоне – самом элитном, престижном районе Рио-де-Жанейро. Очевидно, ни папа, ни бедный Марко не оставили леди без денег.

Мысль о перспективе лишить молодую сексапильную наследницу еще нескольких миллионов и одновременно насладиться ее горячим телом в постели привела Максимилиана Пьерпонта в такое возбуждение, которого он не ощущал уже лет десять.

Он добрался до своей земли как раз перед полуднем. Вдоль этого отрезка дороги стояло несколько домов, не слишком богатых. Участок Пьерпонта находился от них в отдалении, на самой вершине отвесного берега. Валентина не солгала – вид открывался просто сказочный. На одной стороне океан переходил в безоблачное безграничное голубое небо, с другой стороны горы, поросшие ярко-зеленым тропическим лесом, сверкали, как огромные груды только что ограненных изумрудов.

«Это еще красивее, чем я представлял». Максимилиан

снова мысленно поздравил себя с тем, что не отказался от сделки. Не послушал своего кретина адвоката.

– Первое правило торговли недвижимостью, Макс, – сказал Ари Штайнберг, – не покупай кота в мешке. Ты сам учил меня этому. Помнишь?

– Проблема в том, что какой-то хитрый святоша уже зарится на моего кота и успел обвести вокруг пальца эту курочку. Мне нужно его опередить.

– Ты не видел землю, – не уступал адвокат. – Сначала нужно посмотреть.

– Я видел бумаги. Видел разрешение на строительство. И знаю, где этот лучший участок на всем побережье. Мы говорим о бразильском Малибу.

– Но, Макс…

– Если бы речь шла о десяти-двадцати- или даже пятидесятипроцентной прибыли, я бы согласился с тобой. Но я могу получить роскошный участок! За жалкую часть его настоящей стоимости. Переведи ей деньги.

– Я все же прошу тебя подумать.

– А я прошу сделать, как тебе велено, черт побери! – И Максимилиан Пьерпонт повесил трубку.

Выйдя из «Бентли», он нырнул под оранжевую строительную ленту, отмечавшую вход на участок ди Сорренти.

«Теперь это собственность Пьерпонта», – самодовольно подумал он.

На участке уже была команда топографов. Пьерпонт, ши-

роко улыбаясь, подошел к старшему.

– Ну, что вы думаете? Потрясающий вид, верно? – не выдержав, похвастался он.

Топограф спокойно посмотрел на него:

– Здесь нельзя строить дом.

– О чем вы? – рассмеялся Пьерпонт. – Нельзя? Я могу строить здесь все, что захочу. Это моя земля.

– Дело не в этом.

– Разумеется, в этом. – Улыбка сошла с лица Пьерпонта. Этот болван начинал его раздражать. – У меня законные разрешения, высеченные в камне.

– Боюсь, это все, что высечено в камне, – парировал топограф. – Земля, на которой вы стоите… – Он потыкал палкой траву под их ногами. – В будущем году, в это время, ничего этого тут не будет.

Холодный озноб пробежал по спине Максимилиана Пьерпонта.

– Что?!

– Здесь одна из самых ужасных эрозий, которую я когда-либо видел. Или даже самая ужасная. Настоящая экологическая трагедия. Все, что вы построите на этом месте, очутится под водой до того, как успеют высохнуть стены.

Топограф показал на берег внизу. Туда можно было спуститься по очаровательной деревянной винтовой лестнице, и мягкий белый песок выглядел издевательски безупречным.

– Но цены на здешние участки взлетели до небес, – про-

шептал Пьерпонт.

– Да, наверху, на склоне горы, – кивнул топограф. – И оттуда потрясающий вид. Но здесь? – Он пожал плечами. – Здесь земля представляет собой удручающее зрелище. Неужели вам никто ничего не сказал, когда вы подавали заявку на разрешение?

– Я ее не подавал. Это сделал предыдущий владелец.

Топограф озадаченно нахмурился:

– В самом деле? Странно. Потому что оно выдано всего неделю назад.

Листья дождевого леса как-то неприятно зашелестели за спиной Максимилиана, звук удивительно напоминал смех Ари Штайнберга.

Квартира в Леблоне занимала весь верхний этаж величественного викторианского особняка. Дверь открыл англичанин-дворецкий в ливрее.

– Я хочу видеть графиню ди Сорренти, – потребовал Пьерпонт и выглядел при этом как бульдог, проглотивший осу.

«Эта сука вернет деньги, даже если мне придется выбить их из нее».

Оставалось надеяться, что до этого не дойдет. Валентина неимоверно глупа, возможно, она сама не поняла, что земля ничего не стоит. Будет несложно убедить ее вернуться к сделке с монсиньором.

– Простите, сэр, кто вам нужен?

Пьерпонт злобно уставился на дворецкого.

– Теперь послушайте меня, Дживс. День и без того был паршивым. Пойдите и скажите Валентине, что пришел Максимилиан Пьерпонт.

– Сэр, хозяева этой квартиры – мистер и миссис Мигель Родригес. Они живут здесь более двадцати лет. Уверяю, никакой Валентины по этому адресу нет.

Пьерпонт открыл рот, пытаясь что-то сказать, но тут же закрыл.

«Никакой Валентины по этому адресу нет. Никакой Валентины…»

Вернувшись в машину, он позвонил своему бухгалтеру:

– Деньги, которые вы перевели во вторник на швейцарский счет… Сообщите, кто его открыл и где сейчас деньги.

– Мистер Пьерпонт, ни один швейцарский банк не дает информацию подобного рода. Нужно сказать, что…

– Сделай это!

На висках Пьерпонта запульсировала вена. И сорок минут спустя все еще пульсировала, когда бухгалтер перезвонил:

– Простите, сэр, имени мне не назвали. Но знаю, что счет был закрыт вчера и все деньги с него сняты.

Гюнтер Хартог вел свадебную машину – раритетный «Даймлер-Конквест» пятьдесят седьмого года. Трейси и Джеф обнимались на заднем сиденье.

– Итак, мистер и миссис Стивенс, куда едем?

– Марина-да-Глория, – сказала Трейси. – Там нас ждет маленькая яхта, на которой мы поплывем в «Бара-да-Тижука». Я собрала для нас кое-какие вещи, – добавила она, обращаясь к Джефу.

Тот сжал бедро жены.

– Не пойму зачем. В ближайшую неделю тебе вообще ничего не понадобится.

Трейси хихикнула.

– Завтра мы полетим в Сан-Паулу на частном самолете, а потом – в Тунис на медовый месяц. Лететь из Рио слишком опасно. Пьерпонт или его громилы наверняка ждут в аэропорту.

Джеф не сводил с нее влюбленных глаз.

– Ты подумала обо всем, верно, дорогая?

– Надеюсь.

Трейси прижалась к нему. Она попробовала вспомнить, чувствовала ли себя раньше такой счастливой, но на ум ничего не приходило.

«Я миссис Стивенс. Миссис Джеф Стивенс», – твердила она себе снова и снова.

Ловушка, которую она устроила Пьерпонту, себя полностью оправдала. Теперь они с Джефом покончат с прошлым и оставят позади безумную жизнь. Джеф осуществит свою мечту заняться археологией, которой страстно увлекался. А Трейси тоже сможет исполнить свою мечту.

«Малыш. Мой малыш. Мой и Джефа».

Они заживут обычной семейной жизнью и будут счастливы до конца дней.

Трейси закрыла глаза и представила, как все будет.

– Должен сказать, я доволен, что вы предпочли традиционное венчание, – заметил Гюнтер. – Что-то старое, что-то новое, что-то чужое, что-то голубое.

– Мы?

Джеф и Трейси обменялись недоуменными взглядами.

– Разумеется, – улыбнулся Гюнтер. – Трейси использовала старую как мир уловку, где у нее был выигрышный билет, в данном случае – земля под застройку, которой сама не может заняться. Все это старо, как холмы…

Джеф ухмыльнулся:

– Понимаю. Продолжайте, Гюнтер. Что было новым?

– Деньги? – рассмеялась Трейси.

– Совершенно верно. Деньги новые. По крайней мере, для вас, – кивнул Гюнтер.

– Трейси позаимствовала чужое имя, – догадался Джеф. – Я постепенно вникаю в игру. Но как насчет голубого?

Гюнтер выгнул изящную бровь.

– Полагаю, что мистер Максимилиан Пьерпонт посинел от злости. Как раз в этот момент. Как любой бы на его месте.

Глава 2

Лондон, Англия
Год спустя

Трейси разорвала пластиковую упаковку теста на беременность и села на унитаз.

Она была в нижней ванной прекрасного георгианского дома по адресу Итон-сквер, 45, купленного на деньги от первых двух краж драгоценностей в самом начале ее полной авантюр жизни. Гюнтер помог ей выбрать и обставить дом, и его безупречный мужской вкус до сих пор был заметен в каждой комнате. Обои из красного дамаста и зеркало восемнадцатого века в позолоченной раме придавали небольшому помещению ванной комнаты сходство с роскошным будуаром. Это напоминало ей о прошлом. До Джефа и свадьбы. До того, как безуспешные попытки забеременеть стали единственной одержимостью ее жизни.

Пописав на тестовую полоску, Трейси сунула ее в упаковку и положила на изразцы, окружавшие раковину, ожидая, пока пройдут необходимые пять минут. Вначале она не сводила глаз с крохотного квадратного окошечка, словно могла простым усилием воли заставить появиться вторую розовую полоску, но теперь отвела взгляд, заставляя себя думать о другом.

Думала о Джефе, вот уже третий день работавшем в Британском музее. С каким счастливым видом он вскочил сегодня с кровати! Словно щенок, гоняющийся за блестящим новым мячиком.

– Можешь поверить? – спросил он две недели назад, когда узнал, что получил работу. – Я официально назначен куратором отдела антиквариата Британского музея. Правда, здорово?

– Конечно, могу, – ответила Трейси. – Ты знаешь тамошние сокровища лучше всех на свете. Лучше маститых академиков. Ты заслуживаешь этой работы.

Если честно, оба знали, что профессор Тренчард использовал все связи, чтобы Джефу получить эту должность. Трейси и Джеф познакомились с Ником Тренчардом, археологом с мировой славой, в свадебном путешествии в Тунисе. Джеф попросил разрешения участвовать в возглавляемых Тренчардом раскопках римских укреплений на холме, и мужчины мгновенно подружились. На первый взгляд казалось, что у них мало общего. Профессору было за шестьдесят. Застенчивый интеллектуал, он был просто помешан на позднем периоде Римской империи. Джеф Стивенс, бывший мошенник, даже не имел соответствующего образования и мог бы написать все, что знал об императоре Константине II, на обороте почтовой марки. Но энтузиазм и страсть к обучению были поразительными. Как и природный ум и способность к упорной работе.

– Хотел бы я, чтобы все мои студенты были похожи на вашего мужа, – как-то сказал профессор Тренчард за ужином в отеле Джефа и Трейси. – В жизни не видел у любителя такой преданности делу. Он во всем такой увлеченный?

– Когда чего-то очень хочет, – ответила Трейси.

– Я чувствую себя ужасно виноватым, отнимая у вас время в медовый месяц.

– Не стоит, – улыбнулась Трейси. – Мы выбрали Тунис из-за его богатой истории. Джеф всю жизнь мечтал о раскопках в этих местах. Я просто счастлива видеть его таким довольным.

И она не лгала, продолжая оставаться счастливой, когда они вернулись в Лондон и Джеф стал изучать все: от византийской скульптуры до кельтского искусства, от древних римских монет до китайского церемониального оружия. Трудился, казалось, без всякого усилия, не принося жертв, сменил возбуждение прежней жизни вора и мошенника, грабившего только негодяев и попутно сколотившего состояние для себя, для получения восторга от приобретения новых знаний. И Трейси была счастлива за него.

Для нее же, к сожалению, все усложнилось.

Говоря по правде, она предполагала, что сразу забеременеет. В медовый месяц они с Джефом занимались любовью каждую ночь, а часто и днем, когда Джефу удавалось улизнуть от профессора Тренчарда якобы на ленч в отеле. Она купила тест, как только они вернулись в Лондон, и была так

поражена, когда он не показал беременности, что отправилась к доктору.

– Миссис Стивенс, вы всего месяц как отказались от таблеток, – напомнил он. – Нет причин подозревать что-то неладное. Но если вы решите провериться на бесплодие, я могу порекомендовать доктора Алана Макбрайда на Харли-стрит, семьдесят семь. Он лучший специалист и притом прекрасный человек.

Трейси пыталась еще полгода. Она знала все о периодах овуляции и требовала, чтобы они с Джефом занимались сексом в правильное время. Не то чтобы это было сложно – они по-прежнему часто занимались сексом. Чем счастливее чувствовал себя Джеф, тем выше взлетало его либидо. Трейси всегда наслаждалась сексом с ним.

«Я вышла замуж за самого красивого, обаятельного, умного, чудесного мужчину на свете, – напоминала она себе. – Мне следовало бы пуститься в пляс на улице».

Для нее переход к новой жизни не был таким легким, и она постоянно пребывала в дурном настроении. Отчасти из-за стресса по поводу ребенка. Вернее, его отсутствия. В глубине души Трейси скорбела по себе прежней. Она тосковала о бешеных приливах адреналина во время смелых ограблений, которые совершала вместе с Джефом, о восторге, который испытывала, когда удавалось переиграть многие блестящие, коварные, продажные умы этого мира, побив их на собственном поле. Дело было не в деньгах. Ирония заклю-

чалась в том, что Трейси никогда не была особенно меркантильна. Дело было именно в адреналине. Иногда она смотрела на спящего после секса Джефа, абсолютно довольного, и чувствовала себя несправедливо обиженной.

«Как ты можешь не скучать по этому? Что с тобой неладно? Что неладно со мной?»

К тому времени, когда Трейси задала последний из этих вопросов доктору Алану Макбрайду, она уже была в полном отчаянии.

– Подозреваю, что с вами все в порядке. Но давайте сделаем несколько анализов, хорошо? Чтобы вас успокоить.

Трейси с первого взгляда понравился доктор Мак-брайд. Красивый светловолосый шотландец с лукавой искоркой в умных светло-голубых глазах, ненамного старше ее. К тому же он не принимал себя всерьез, в отличие от многих известных докторов. Кроме того, когда речь заходила о медицинских проблемах, он не переливал из пустого в порожнее.

– Все верно, – сказал он, когда пришли результаты анализов Трейси. – Хорошая новость – вы не бесплодны. Овулируете каждый месяц, трубы в порядке, кист нет.

– А дурные новости?

– Ваши яйцеклетки немного дерьмовые.

Трейси вытаращила глаза. Такого рода терминологию она не привыкла слышать от известных докторов с Харли-стрит.

– Немного дерьмовые, – повторила она. – Понятно. Насколько дерьмовые?

– Если бы «Акадо» доставил их вам в коробочке, вы, открыв ее, возможно, отослали бы назад, – пояснил доктор Макбрайд.

– Ве-ерно, – протянула Трейси и, к собственному удивлению, разразилась смехом. – Так что теперь будет? – спросила она, немного успокоившись.

– Будете принимать это.

Доктор Макбрайд подвинул к ней упаковку таблеток.

– Кломид, – прочитала Трейси.

– Они творят волшебство. – Доктор Макбрайд лучился уверенностью. – Действуют по принципу тренировочных теннисных машин, которые выстреливают мячи: бам-бам-бам-бам.

– И к чему ведет весь этот бам?

– Это ваши яичники, выстреливающие яйцеклетки.

– Дерьмовые яйцеклетки.

– Они дерьмовые, но не все. Попробуйте. Никаких побочных эффектов, и это утроит ваши шансы забеременеть.

– О'кей. – Трейси кивнула, ощутив нечто вроде надежды впервые за этот год.

– Если через три месяца не забеременееете, придется принимать решительные меры в виде экстракорпорального оплодотворения. Здорово звучит?

Разговор произошел три месяца назад. Трейси только что закончила последний курс кломида. Если сегодняшний тест окажется отрицательным, она прибегнет к жестокому, безжа-

лостному процессу экстракорпорального оплодотворения. Она знала, что миллионы женщин подвергаются этой процедуре, и твердила себе, что тут нет ничего особенного. Но для себя она считала ЭКО провалом.

«Я бесполезная, никчемная жена. Дефектный экземпляр. Испорченный товар. Джефу следует вернуть меня или обменять на рабочую модель. С нормальными, а не дерьмовыми яйцеклетками», – думала она.

Она взглянула на часы. Осталась минута. Шестьдесят секунд.

Она закрыла глаза и сразу вспомнила, как носила ребенка Чарлза Стенхоупа. Родители Чарлза, богатые филадельфийские снобы, были в бешенстве, когда Трейси забеременела, но Чарлз заверил, что хочет и ее, и ребенка. Потом Трейси отправили в тюрьму, обвинив в преступлении, которого она не совершала, и Чарлз отказался от нее. Она до сих пор слышала его голос, словно это было вчера: «Выходит, я не знал тебя по-настоящему. Поступай так, как считаешь лучше для твоего ребенка».

Жестоко избитая сокамерницами, Трейси потеряла ребенка. Она не сказала об этом доктору Макбрайду. Возможно, следовало? Возможно, в этом и есть причина?

Тридцать секунд.

Трейси открыла глаза. Девять секунд. Восемь. Семь… три, две, одна.

Она с колотящимся сердцем схватила полоску и перевер-

нула.

Джеф Стивенс подкинул монету на ладони и ощутил дрожь возбуждения при мысли о руках, державших ее раньше.

Это история. Живая история. И он к ней прикасается.

Поразительно, какой новой выглядела эта штука, словно была изготовлена только вчера. На самом деле маленький серебряный диск был отчеканен в древнем английском королевстве Мерсии примерно в 760 году. На нем можно было разобрать имя и профиль королевы Синетрит, жены легендарного короля Оффы, часто считавшегося первым истинным королем всей Англии. Джефу Стивенсу нравилось звучание этого имени. У парня явно было эго больше, чем его королевство, да и либидо под стать. Он велел отчеканить монету в стиле поздних римских императоров, которые часто выпускали деньги с именами жен. На одной стороне диска было имя сделавшего его мастера. На другой – надпись CENETRETH REGINA с идеальным «М» в центре, означавшим «Мерсия».

Монета была свидетельством. «Если она достаточно хороша для римских императоров, значит, хороша и для меня». Неплохо для саксонского вождя – бандита, который пробился наверх с руками по локоть в крови.

Джефу нравилось работать в Британском музее. Люди часто говорили о работе своей мечты, но для Джефа это было

действительно исполнением мечты, которой он грезил с малых лет.

Мать Джефа погибла в автокатастрофе, когда ему было четырнадцать. Через два месяца его отец, занимавшийся продажей алюминиевого сайдинга, женился на девятнадцатилетней официантке, разносившей коктейли. Джеф сбежал из дому и направился в Симаррон, штат Канзас, где его дядя Уилли управлял ярмаркой с аттракционами. С того дня Уилли стал ему отцом, а ярмарка – школой. Именно там Джеф учился понимать природу человека. Узнал о жадности. О том, как могут быть слепы и глупы даже самые умные люди. О том, как можно одурачить самых богатых, самых подлых в мире негодяев. Один из работников ярмарки научил Джефа ценить антиквариат и уважать прошлое. Этот человек, как и Ник Тренчард, был профессором археологии до того, как его выкинули из университета, где он преподавал, за воровство и продажу ценных экспонатов.

– Подумай об этом, сынок, – твердил он Джефу. – Тысячи лет назад жили люди, такие же, как ты и я. Мечтали, создавали сказки, жили своей жизнью, рожали наших предков. – Его глаза смотрели куда-то вдаль. – Карфаген – вот где я хотел бы побывать. Эти люди устраивали игры, гонки на колесницах, проводили время в купальне. Циркус «Максимум» был так же велик, как пять футбольных полей.

Юный Джеф зачарованно слушал.

– Знаешь, как Катон Старший обычно заканчивал речи,

обращенные к римскому сенату? «Карфаген должен быть разрушен». И его желание наконец исполнилось. Римляне оставили от Карфагена груду развалин и выстроили на его пепле новый город. Мальчик, подумай о том, какие там зарыты сокровища!

Джеф никогда не переставал думать об этом. И теперь, держа древнюю саксонскую монету, чувствовал такое же возбуждение, как и тогда, когда набивал сумку драгоценностями или нагло выходил из знаменитой художественной галереи с картиной старого мастера под мышкой. Но приятнее всего было сознавать, что на этот раз его работа вполне законна. На хвосте не висели ни Интерпол, ни ФБР, ни мафия. И ему платили за нее.

– Привет, босс. Пришли волонтеры из института, женщины. Откуда прикажете начинать?

Ребекка Мортимер, студентка-практикантка, была совсем новичком в музее. Двадцатидвухлетняя красавица с карими, блестящими, как спелый каштан, глазами и доходившими почти до талии рыжеватыми волосами появилась здесь всего два дня назад, но Джеф уже почувствовал, как приятно с ней работать. Ребекка любила историю Древнего мира не менее страстно, чем Джеф. Кроме того, он находил ее серьезность очаровательной и будившей в нем отцовские чувства. Как и остальной армии волонтеров постарше, помогавших в Британском музее с определенными выставками, Ребекке ничего не платили, но у Джефа было такое чувство, что она с

радостью отдала бы все, чем владела, ради счастья работать здесь. Он знал, что она испытывает.

– Проводи волонтеров в читальный зал специальных выставок, – попросил Джеф, кладя мерсианскую монету в стеклянную витрину и запирая на ключ. – Это маленькое помещение рядом с входом на Грейт-Рассел-стрит. Я дам им расписание заданий на следующую неделю, а ты поможешь отвечать на вопросы.

– Правда? – Глаза Ребекки зажглись.

– Конечно, почему бы нет? Ты уже знаешь больше, чем я, о саксонских захоронениях.

– Спасибо, Джеф!

Она радостно выскочила из комнаты, рыжая грива взметнулась за спиной. Но через несколько секунд она вернулась:

– Совсем забыла: твоя жена пришла. Хочет тебя видеть.

– Трейси здесь?

Настала очередь Джефа просиять.

– Да, я слышала, как она спрашивала тебя у стойки во внутреннем дворе. Я сказала, что ты сейчас придешь.

Трейси с благоговением и удивлением смотрела на огромный, современный стеклянный купол потолка внутреннего двора, созданного лордом Фостером и партнерами. К своему стыду, после всех лет жизни в Лондоне она никогда не была в Британском музее и всегда представляла его огромным викторианским зданием, подобным трем знаменитым досто-

примечательностям Саут-Кенсингтона: Музею естественной истории, Музею науки и Музею Виктории и Альберта.

Но в буклете, который она сейчас читала, объяснялось, что здание Британского музея было возведено в довикторианскую эпоху, хотя нынешние пристройка были агрессивно современны. Внутренний двор занимал два акра и считался самым большим крытым публичным местом в Европе. Оттуда можно было пройти в другие, более старые крылья. Британский музей, основанный в 1753 году, был первым национальным общественным музеем в мире. Сэр Ганс Слоан, знаменитый натуралист и коллекционер, завещал королю Георгу для народа семьдесят одну тысячу экспонатов, включая книги, рукописи, монеты, медали и гравюры. И это стало основой коллекции музея. Сегодня там находится множество коллекций сокровищ со всего мира – от китайской керамики до реликвий из древнеегипетских захоронений, от средневековых рукописей до англосаксонских украшений.

«Неудивительно, что Джеф влюбился в это место. Радуется, как ребенок в кондитерской!» – подумала Трейси.

– Дорогая! Какой чудесный сюрприз!

Джеф незаметно подошел сзади. Трейси закрыла глаза, когда он обнял ее за талию и притянул к себе. От него пахло одеколоном «Пенхалигонс», его фирменным ароматом, который Трейси обожала.

Она вновь почувствовала себя безмерно счастливой от того, что у нее есть Джеф.

– Что привело тебя сюда?

– Собственно говоря, ничего, – солгала Трейси, – Просто мне было любопытно увидеть это место.

– Впечатляет, верно? – спросил Джеф с такой гордостью, словно сам построил музей.

– Так и есть. Он прекрасен. Как и девушка, с которой ты работаешь, – не удержалась она.

– Ребекка? Правда? Я не замечал.

Трейси громко рассмеялась:

– Это ты говоришь мне, милый? Мы знакомы не первый день, помнишь?

– Я серьезно. Ты знаешь, что мои глаза смотрят только на тебя. Хотя должен сказать, что твоя ревность меня трогает.

– Я не ревную.

– Пойдем со мной. – Джеф взял ее за руку. – Я хочу показать тебе, над чем мы работаем.

Его пальцы были такие теплые и сильные! Может, она вправду немного ревнует?

Он привел ее в маленькую комнату, где уже были Ребекка и компания из нескольких женщин и мужчин, все лет шестидесяти-семидесяти. Перед старомодным слайд-проектором стояли три ряда стульев. В дальнем конце комнаты находился экран, на который проецировались изображения золотого оружия и различных ритуальных предметов.

– Мы вот-вот откроем совершенно новую выставку сокровищ, обнаруженных в саксонских захоронениях, – прошеп-

тал Джеф. – Все это было найдено в прошлом году под парковкой где-то в Норидже. Это совершенно нетронутое королевское захоронение, абсолютно уникальное.

– Ваза золотая? – спросила Трейси, любуясь блестящей двуручной вазой почти в фут высотой.

Джеф кивнул.

– Иисусе Христе! Сколько она может стоить?

– Она бесценна, – заверил Джеф.

Трейси нахмурилась:

– На свете нет бесценных вещей. Мне просто любопытно, сколько за нее заплатит частный коллекционер.

– Не знаю. Чертовски много. В этой вазе золота больше чем на миллион фунтов, даже если ее расплавить. С учетом ее места в истории, полагаю, два-три миллиона.

Трейси присвистнула:

– Вау!

Она огляделась. Старички допили чай из пластиковых чашек и стали рассаживаться.

– Что это за бригада бабушек? – прошептала она на ухо Джефу.

– Волонтеры. Они помогут провести выставку. Внесут все сокровища в каталог, будут пропускать посетителей и собирать группы для экскурсии с гидом. Я должен прочитать им вступительную лекцию.

– Шутишь? – Трейси была шокирована. – Ты собираешься доверить любителям золото на миллионы фунтов?

– Они хорошо информированы. Черт, да я тоже любитель.

– Да, но если кто-то из посетителей схватит вазу и побежит, по крайней мере, ты сможешь погнаться за ним. А эти обитатели дома престарелых что могут сделать? Бросить в воров свои ходунки?

– Никто ничего не собирается красть, – рассмеялся Джеф.

– Простите, что прерываю разговор, – сказала подошедшая Ребекка.

Трейси заметила, что ее выговор сильно отдавал Оксбриджем и походил на звон хрустального стекла. И что никакой неловкости она не испытывала.

– Через минуту мы должны начинать, Джеф.

Она коснулась его руки. На секунду. Жест был легким, почти незаметным, но предполагал определенную близость между ней и Джефом, что Трейси не понравилось. Совсем не понравилось.

– Он будет с вами через мгновение, – холодно отрезала она.

Ребекка поняла намек и отошла.

– Ну и ну, – вполголоса пробормотал Джеф, весело ухмыляясь. – Ты действительно ревнуешь.

– Должно быть, гормоны виноваты, – просияла Трейси. – Мы, беременные женщины, ужасно эмоциональны, даже чересчур.

Джеф не сразу сообразил, о чем идет речь. А когда понял, с радостным воплем подхватил ее на руки и долго целовал

в губы.

Собравшиеся волонтеры повернулись и стали на них глазеть.

– В самом деле? – спросил он взволнованно. – Уверена?

– Уверена. Четыре теста не могут врать.

– Какое счастье! Чудесная новость! Сегодня вечером отпразднуем за ужином в ресторане.

Теплая волна радости омыла ее.

Джеф отошел, поскольку пора было начинать лекцию, и она повернулась, чтобы уйти. Краем глаза она заметила взгляд Ребекки и могла бы поклясться, что в нем сверкнула враждебность.

Ужин был чудесным. Джеф повез ее в «Комо Ларио» в Белгравии – один из их любимых ресторанов. Трейси ела артишоки с цикорием и идеально поджаренный эскалоп в лимонном соусе. Джеф проглотил филе-стейк, поскольку улыбка, растягивавшая губы, мешала жевать. Трейси ничего не пила, но Джеф заказал два бокала шампанского, желая произнести тост.

– За наше будущее. Нашу семью. За Джефа Стивенса-младшего!

Трейси рассмеялась.

– Сексистская свинья! Кто сказал, что это мальчик?

– Это мальчик.

– Все равно, мы назовем его Джефом-младшим только че-

рез мой труп. Не обижайся, дорогой, но я уверена, что двух Джефов Стивенсов этот мир не вынесет.

Позже, прежде чем лечь в постель, Трейси надела свое самое сексуальное белье от «Ригби и Пеллер» – крошечную шелковую рубашку цвета пахты с белой кружевной отделкой.

– Наслаждайся, пока можешь.

Она прижалась к Джефу, путаясь пальцами в густой поросли волос на его груди.

– Скоро я стану размером с этот дом. Тебе понадобится автопогрузчик, чтобы поднимать меня.

– Глупости. Ты будешь самой прекрасной беременной женщиной на свете, – сказал Джеф, нежно целуя ее в губы.

– Ты никогда не скучаешь по прежним временам? – неожиданно спросила Трейси. – По адреналину? Вызову? Ты, я и Гюнтер – против всего мира.

– Никогда.

Голос звучал так искренне и твердо, что Трейси почувствовала, что сморозила чушь.

– Кроме того, поначалу в прежние времена или я был против тебя, или ты была против меня. А дражайший Гюнтер неизменно блюл свои интересы и стравливал нас друг с другом.

– Верно, – признала Трейси, улыбнувшись при воспоминании о прошлом. – Но это была всего лишь игра, верно? Игра между нами тремя. Чудесная игра.

– Правда.

Джеф нежно погладил ее по щеке.

– И в которой ты, любимая, была чемпионом мира. Но ставки были высоки, не так ли? Наша теперешняя жизнь… по-моему, она идеальна. – Он нежно провел ладонью по все еще плоскому животу Трейси. Неужели там зародилась новая жизнь? Существо, которое они создали вместе! – Я люблю тебя.

– Очень? – пробормотала Трейси и протянула руку, чтобы ощутить его эрекцию, но Джеф остановил ее руку.

– Очень. Но не думаю, что мы должны заниматься сексом. Это может повредить ребенку.

И, к величайшему изумлению Трейси, он выключил свет, отвернулся и немедленно заснул.

Она ощутила раздражение на какую-то секунду, но скоро загасила это чувство, Сегодняшний день был слишком необыкновенным. Слишком идеальным, чтобы портить его глупыми обидами.

«Он осторожен, потому что любит меня. Когда мы вместе пойдем к доктору Макбрайду, тот сможет объяснить Джефу, что заниматься любовью вполне безопасно».

Слишком взволнованная, чтобы уснуть, Трейси стала размышлять, но, как ни странно, не о ребенке, а о том, что видела сегодня в музее. О той девушке, с которой работал Джеф. У нее паранойя? Или девушка действительно злобно смотрела на нее, после того как Джеф ее поцеловал?

Но какое это имеет значение? Она доверяет Джефу.

Она снова представила выставку саксонского золота, о которой рассказывал Джеф, и предметы на экране. Трейси так и не смогла поверить, чтобы такое известное учреждение, как Британский музей, позволило престарелым волонтерам обслуживать столь значительное событие. Эти неопытные пожилые люди получили доступ к артефактам, стоившим миллионы фунтов. И все-таки даже Джеф принимал это как должное. Трейси вспомнила о сложных системах охранной сигнализации в Прадо. О других знаменитых галереях и о ювелирах, которых она и Джеф легко обкрадывали в свои лучшие дни. Страшно представить, что картины Гойи в Мадриде охранял бы дальнозоркий старый хрыч. Какой легкой была бы тогда их жизнь!

Сегодня Джеф рассказывал о необыкновенной монете, более редкой, чем знаменитые мерсианские образцы музея, той, которая будет гвоздем программы новой выставки.

– Завтра я буду держать ее в руках. Это золото Меровингов, отчеканенное для короля франков в шестом веке. Клянусь богом, Трейси, монета размером не больше шиллинга. Но работа! В жизни не видел ничего более прекрасного.

Трейси инстинктивно, бессознательно стала составлять план кражи монеты. Хуже всего, что вариантов было предостаточно!

«Может, стоит предложить услуги совету попечителей музея в качестве консультанта по охране? – лениво подумала она. – Бог видит, помощь им необходима».

Но тут же поняла, что будет слишком занята, чтобы уделять время работе.

Она станет матерью! Об этой роли она мечтала всю свою жизнь. Все остальное было генеральной репетицией.

Для Трейси Уитни завтра наконец наступило.

С этой мыслью она заснула.

Глава 3

Агнес Фотерингтон наблюдала собравшуюся у дверей выставочного зала толпу и ощущала теплый прилив гордости. Выставка «Сокровища Меровингов» стала огромным событием для интересующихся англосаксонской историей. Такой впечатляющей коллекции сокровищ, найденных в одном месте, не выставлялось с конца тридцатых годов, когда в результате раскопок в кургане Саттон-Ху был обнаружен королевский погребальный корабль. И к тому же все так прекрасно сохранилось.

Агнес Фотерингтон снова была частью этого события.

Заядлая любительница-археолог, Агнес помогала на позднейших раскопках в Саттон-Ху в восьмидесятых. Тогда ей было сорок пять и она преподавала историю в местной классической школе в Кенте. Ее муж Билли поехал с ней, и они прекрасно провели время.

– Представь, – сказал однажды Билли за пирогом со стейком и почками в гостинице «Кучер и лошади» в Вудсбридже после долгого дня на раскопках. – Пара ничтожеств вроде нас, Аг, оставляет свой след в истории.

Это было его любимое выражение – «след в истории».

Агнес недоставало Билли. Он умер девять лет назад, а как он был бы счастлив стать свидетелем такого поразительного события! Джеф Стивенс, чудесный куратор отдела антиква-

риата, работал не покладая рук, старался, чтобы все прошло отлично, но неизменно улыбался каждому. Билли был довольно желчен, однако ему наверняка понравился бы Джеф.

Ему понравилась бы и Ребекка, молодая помощница Джефа. Так много молодых людей интересовалось этим периодом истории – совершенно поразительно. Англосаксонская история считалась решительно асексуальной. Ей был чужд шик египтологии или привлекательность Древнего Рима. Но, возможно, «Сокровища Меровингов» все изменят. Как было бы чудесно, если бы золотые чудесные находки, обнаруженные под парковкой в Норидже, в один прекрасный день стали так же знамениты, как сокровища Тутанхамона!

– Поразительный поворот, верно?

Трейси Стивенс дружелюбно обняла Агнес за плечи. Агнес нравилась Трейси. Они несколько раз встречались на предварительных показах выставки, куда Трейси заглядывала, чтобы поздороваться с Джефом или помочь с каталогами. Конечно, все волонтеры знали, что миссис Стивенс беременна и что они с мужем вне себя от радости. Эти двое, очевидно, были безумно влюблены. Агнес была уверена, что они станут чудесными родителями.

– Феноменальный поворот, – согласилась Агнес. – Многие из них так молоды! Вон тот парень с татуировками. В жизни не подумаешь, что он фанат истории седьмого века, верно?

– Не подумаешь, – согласилась Трейси, считавшая так же по совершенно другим причинам. Она уже заметила четы-

рех потенциальных воров в толпе. Татуированный молодой человек выглядел как один из тех, кто грабит витрины магазинов. Но были и другие сомнительные личности. Беременная женщина, которая чересчур активно интересовалась камерами видеонаблюдения в вестибюле. Пара выходцев из Восточной Европы, в джинсах и футболках. Они слишком нервничали и постоянно переглядывались. Особенное внимание Трейси привлек одинокий мужчина в темном костюме, очень тихий, с виду ничем не примечательный. Она не смогла бы объяснить, на чем основаны ее подозрения. Возможно, дело в интуиции. Что-то подсказывало: он не просто любопытный турист. Со своей паршивой охраной Британский музей почти напрашивался на ограбление. Она так и сказала Джефу, но тот ничуть не встревожился.

– Полагаю, придется рискнуть. Попытка ограбления привлечет к выставке дополнительное внимание. В конце концов, нет ничего более англосаксонского, чем небольшой грабеж.

Трейси понравилось это замечание. Словно вернулся прежний Джеф!

Ровно в одиннадцать красный бархатный шнур был отстегнут от серебряного зажима, и посетители стали входить в первый из четырех залов экспозиции. Их сумки и рюкзаки уже были досмотрены у главного входа, и больше их не станут проверять. Вместо этого им предложили сдать верхнюю одежду в гардероб и купить программки и аудиотуры, кото-

рые раздавали двое друзей миссис Фотерингтон.

После этого посетителей повели мимо экспонатов: оружия, монет, церемониальных и повседневных предметов, прежде чем показать дорогу в сувенирный магазин, где можно было приобрести копии экспонатов, а также обычные брелоки для ключей и майки с надписью «Я люблю Британский музей».

Джеф и Ребекка расхаживали среди посетителей. Трейси не подошла к ним, лишь ободряюще помахала мужу рукой, когда возвращалась из дамской комнаты к столу смотрителей.

– Трейси, у нас почти не осталось брошюр. – Агнес в панике схватила ее за руку. – У меня было сто экземпляров, и все разошлись за шесть минут.

– Я могу пойти в сувенирный магазин и взять еще, если хотите, – предложила Трейси.

– Правда? – с облегчением вздохнула старушка. – Вы ангел.

Трейси поспешила в магазин, пробираясь сквозь толпу. А когда проходила через комнату с монетами, заметила человека, который ранее привлек ее внимание в вестибюле. Он наклонился над витриной с редкими франкскими монетами, глядя на них так напряженно, что ей стало не по себе.

«Я должна рассказать о нем Джефу», – решила она.

Добравшись до магазина, Трейси взяла стопку брошюр и попросила главного волонтера Мориса Бентли послать на

склад еще за несколькими пачками. Как раз в этот момент раздался душераздирающий вой сирен и колоколов, и режущие слух электронные вибрации заставили дешевые копии монет звенеть и подпрыгивать в пластиковых футлярах.

– Что там… – Бентли заткнул уши.

– Что происходит? – завопила Трейси, пытаясь перекрыть шум. – Неужели что-то украдено?

– Нет. Это пожарная тревога. Возможно, случайно сработала сигнализация.

«А может, все серьезнее».

Сердце Трейси забилось сильнее.

– Не стоит так паниковать! – прокричала Ребекка Джефу. – Наверное, это просто дети шалят!

Но Джеф не слушал. В Амстердаме на алмазной фабрике свет погас и взвыла сирена совсем так, как сейчас. Сирена, которую включили он и Трейси. В Амстердаме на всех дверях и окнах немедленно опустились стальные ставни, запечатав выходы. Но Джеф и Трейси сумели сбежать с алмазом «Лукулл».

Тогда Трейси изображала беременную туристку, а Джеф – техника.

«Кажется, сегодня в толпе была одна беременная? – Мысли Джефа метались. – Что легче всего украсть?»

Он ринулся в зал с монетами.

Здесь все оказалось в порядке, бесценная золотая монета семнадцатого века, гвоздь выставки, по-прежнему была за-

перта в стеклянной витрине. Ничего не передвинуто, не разбито, не потревожено.

Посетители затыкали уши и бежали к выходу. Не было никакой паники, никаких воплей, никакого замешательства. Все в британском духе, сдержанно и спокойно. Последним выходил ничем не примечательный мужчина в темном костюме. Остановившись, он вежливо придержал дверь для Джефа.

– Ложная тревога, полагаю, – улыбнулся он.

– Очевидно.

Примерно через полчаса Джеф подошел к Трейси на улице. Посетителей музея вывели на Грейт-Рассел-стрит, но никто особенно не распространялся. Люди смеялись и болтали о неожиданном происшествии, дожидаясь, пока их вновь впустят внутрь.

– Все в порядке? – спросила Трейси.

– По-моему, да. Какой-то идиот закурил в туалете.

– Ничего не украли?

Джеф покачал головой.

– Я тоже подумал о краже, но мы с Ребеккой трижды все просмотрели. Все на месте. Ни один из отделов не доложил о каких-то проблемах.

– Вот и хорошо. – Трейси обняла его. На душе стало легко.

– Мы становимся слишком циничными с годами, я и ты, – вздохнул Джеф полушутя. – Нужно поработать над этим до

появления Джефа-младшего.

Следующие несколько недель Трейси почти не видела Джефа. В музее не было никаких происшествий. Выставка «Сокровища Меровингов» имела огромный успех и отнимала все время Джефа.

Ему позвонил профессор Тренчард:

– Все в Блумсбери только о вас и говорят. Не представляете, сколько похвал я получаю за то, что привел вас в музей.

– Я невыразимо счастлив и не знаю, как благодарить вас, Ник.

– Просто продолжайте выполнять свои обязанности. С меня довольно и того, что можно купаться в лучах вашей славы.

В тот вечер, когда выставка закрылась, Джеф пришел домой расстроенный.

– Поверить не могу, что все кончено.

– Бедный малыш.

Трейси обняла его сзади, прижавшись едва заметным животом к пояснице. Последнее время она чувствовала себя уставшей, что было вызвано беременностью, если верить доктору Макбрайду, но признаков токсикоза пока что не было, и запах пищи ее не раздражал. Сегодня она приготовила Джефу на ужин спагетти карбонара. Восхитительный аромат бекона, сыра и сливок доносился с кухни.

– У меня кое-что есть для тебя. Надеюсь, это тебя разве-

селит.

Она повела Джефа в гостиную, комнату прекрасных пропорций в георгианском стиле, с высокими потолками, широкими дубовыми плитами пола и подъемными окнами, выходившими на густо засаженный передний сад.

– Ты уже развеселила меня, – заверил Джеф, садясь на диван. – Как чувствуешь себя сегодня, прекрасная?

– Все хорошо. – Трейси подала ему стакан с джин-тоником с добавлением льда и лимона.

– Но это развеселит тебя еще больше. По крайней мере, я на это надеюсь.

Она вынула из кармана маленькую черную коробочку и, немного нервничая, протянула ему. Она сознавала, что Джеф может не так понять смысл подарка, и отчаянно хотела угодить ему, вернуть подобие остроты их старой жизни, со всеми треволнениями и удачами.

– Скажем так: мне стоило немалых трудов это заполучить.

Джеф открыл коробочку. Трейси с восторгом наблюдала, как широко раскрываются его глаза.

– Где ты это взяла?!

– А ты как думаешь? – усмехнулась она.

– Боже! – изумился Джеф. – Это настоящая, верно? На секунду мне показалось, что это действительно хорошая копия.

– Копия?! Извини, – оскорбилась Трейси. – Копии для любителей, дорогой. Для тебя – только лучшее.

Джеф встал. Трейси показалось, что он сейчас поцелует ее, но, присмотревшись, увидела в его глазах гнев.

– Ты сошла с ума?

Он жестом обвинителя сунул монету ей в руки. Это была та самая, из Мерсии, выбитая в честь Синертрит. Одно из редчайших сокровищ музея.

– Ты украла это.

– Да. Для тебя, – с недоумением пробормотала Трейси. – Я знаю, как много она для тебя значит. И ты сам сказал, ничто не может быть более англосаксонским, чем грабеж. – Она улыбнулась, но Джеф не ответил на улыбку.

– Это была шутка! – почти выкрикнул он. – Как ты?.. Когда?..

– В день открытия выставки. Я знала, что другие залы с англосаксонскими экспонатами будут пусты, поскольку все интересовались только золотом Меровингов. Поэтому я включила пожарную сигнализацию, проскользнула в южное крыло и… просто взяла монету. К этим витринам даже не была подведена сигнализация, – добавила она с легким презрением. – Это не скульптуры Парфенона и не Розеттский камень, так что никому нет дела.

– Всем есть дело! – окончательно взбесился Джеф. – Мне есть дело. В любом случае эти витрины были заперты. Где ты взяла ключ?

Трейси уставилась на него как на безумца,

– Сделала копию с твоего, конечно. В самом деле, доро-

гой, это не наука о ракетах! Я поискала монету в Гугле после того, как ты сказал, что она тебе очень нравится, и заказала копию у ювелиров на Ист-Энде. А потом заменила оригинал. Легко.

Джеф потерял дар речи.

Расстроенная его реакцией, Трейси вызывающе добавила:

– И знаешь что? Никто не заметил разницы! Никто, кроме тебя, даже не смотрит на эту штуку. Почему бы тебе не иметь ее?

– Потому что она не моя! – окончательно разозлился Джеф. – Она принадлежит нации. Мне доверили ее хранить. А теперь моя жена, моя собственная жена, ее украла!

– Я думала, ты будешь доволен. – Глаза Трейси наполнились слезами.

– А я недоволен.

Она не понимала реакции Джефа. Особенно после всех ее трудов! Обычно в таких случаях он ею гордился! И ведь никому не причинили вреда. Прежний Джеф был бы доволен, весел, счастлив. Трейси хотела вернуть прежнего Джефа.

Он смотрел на монету, недоверчиво качая головой.

– Ребекка сказала, что ты выглядела задумчивой в день открытия, – буркнул он. – Я помню, она спрашивала, не случилось ли с тобой что-то.

– О, Ребекка сказала что-то, вот как? – рассерженно парировала Трейси. – Поздравляю Ребекку! Держу пари, малышка Ребекка никогда бы не опустилась так низко, чтобы

красть национальное достояние. Верно?

– Не опустилась бы, – подтвердил Джеф.

– Потому что она не бесчестная мошенница вроде меня, верно?

Джеф пожал плечами, словно пытаясь сказать, что Трейси попала в точку.

Слезы гнева и унижения заструились по ее щекам.

– Твоя маленькая подружка может быть лучше меня…

– Не глупи, – оборвал Джеф, – Ребекка не моя подружка.

– Но если она лучше меня, значит, и лучше тебя, Джеф. Забыл, кто ты? Ты мошенник, Джеф Стивенс. Может, ты ушел на покой, но за спиной у тебя двадцать лет преступной жизни, друг мой. Так что не изображай святого… – Трейси вдруг осеклась, как ребенок, замерший в игре в неподвижные фигуры.

– Что? – спросил Джеф.

Трейси с отчаянием уставилась на него, как кролик под дулом ружья. Потом она опустила глаза. Темная кровь стекала по ее ногам на пол.

Она заплакала.

– Все хорошо, милая, не паникуй.

Джеф уронил монету и обнял ее. Это Трейси, его Трейси! О чем он думал, разозлившись на беременную жену?!

– Все будет в порядке. Только приляг.

Он ринулся к телефону:

– Нужна «Скорая». Итон-сквер, сорок пять. Пожалуйста,

поторопитесь.

Глава 4

Джеф подумал, что Белгравия особенно красива весной. Выйдя из дома, он направился от Итон-сквер к Гайд-парку. Вишневые деревья вдоль улицы с домами в георгианском стиле были в цвету: взрыв белого в тон оштукатуренным фасадам и такие же белые ковры опавших лепестков на неровно отесанных камнях. Под частыми дождями трава росла густой и блестящей. Люди тоже казались жизнерадостными и обновленными, благодарными за уход долгой и серой лондонской зимы.

Для четы Стивенсов эта зима была особенно длинной. Выкидыш Трейси больно ударил по обоим, но Джеф нес дополнительное бремя вины, опасаясь, что выкидыш спровоцировал тот скандал из-за дурацкой мерсианской монеты. Он сразу же тайком вернул монету, и никто ничего не узнал. Но пропасть, образовавшуюся между ним и Трейси, было не так легко преодолеть.

Они все еще любили друг друга – в этом не было сомнений. История с монетой заставила обоих понять, что они старательно заклеивают бумагой огромные сейсмические трещины, образовавшиеся в браке. Возможно, дело было в стараниях Трейси понять, что омрачает их отношения. Или в полной погруженности Джефа в новую работу. Или в том и другом. Какова бы ни была причина, стало ясно: Джеф из-

менился, вернувшись к честной жизни. А Трейси осталась прежней.

Не то чтобы она не желала отказаться от совершения преступлений. Это она могла сделать. Кража саксонской монеты была преступлением, которое она не собиралась повторять, но этот поступок был частью ее личности, характера, важной частью. И она не хотела с ней расставаться. Джеф наконец стал это понимать.

Он все еще надеялся, что ребенок заполнит пустоту в жизни Трейси так, как страсть к истории и антиквариату заполнила пустоту в его жизни. Они с новыми надеждами пошли на ЭКО. Но первая попытка провалилась. За ней последовала вторая. Джеф мог только беспомощно наблюдать, как мрачная печаль в душе жены все разрастается, словно опухоль, и ничто не могло ее остановить.

Джеф пытался излечить Трейси своей любовью. Старался приходить домой пораньше. Увез ее на романтические каникулы, постоянно преподносил подарки: старую картину маслом с видом квартала Нового Орлеана, где выросла Трейси, прекрасную книгу в кожаном переплете по истории фламенко, танца, во время которого Джеф и Трейси влюбились друг в друга, пару гагатовых серег с побережья Уитби, где они однажды провели уик-энд и где Трейси была потрясена дикими безбрежными пустошами.

Трейси была тронута его вниманием, но грустить не перестала.

– Похоже на депрессию, – робко предположила Ребекка, когда Джеф изливал ей душу за чаем в музейном кафе. – Она ходит к кому-нибудь?

– Ты имеешь в виду психотерапевта? Нет. Трейси не верит во все эти штуки.

– К несчастью, душевные болезни – реальность, верим мы в них или нет, – сказала, вздохнув, Ребекка. – Ей нужно с кем-то поговорить. Это непременно поможет.

– Она всегда может поговорить со мной, – с отчаянием в голосе возразил Джеф.

– А вдруг есть что-то, о чем она не может говорить с тобой? – Ребекка потянулась к нему, сжала его руку.

Ребекка Мортимер пыталась не увлечься Джефом. Это было бы непрофессионально. Совместная работа в течение нескольких месяцев сделала их более близкими. Его чудесные серые глаза, смоляные кудри, а также неизменное дружелюбие и теплый заразительный смех покорили ее. Как ужасно быть женатым на ушедшей в себя, депрессивной женщине, которая презирает работу мужа и отталкивает его эмоционально! Будь у Ребекки такой муж, как Джеф, она обращалась бы с ним, как с королем.

Джеф неожиданно вскинул взгляд, словно ему что-то пришло в голову.

– Знаешь, может, она тайно посещает психотерапевта и стыдится мне сказать? Это бы многое объяснило.

– Что именно? – осведомилась Ребекка.

– В последнее время она неразговорчива. Скрытна. Словно ходит на какие-то таинственные встречи, но не говорит, где была. Иногда приезжает домой поздно и кажется довольной, менее напряженной.

Ребекка молча кивнула, но подумала: «Так-так-так. Может, идеальная миссис Стивенс завела бойфренда на стороне?»

Вполне объяснимо, что эта мысль не приходила Джефу в голову. Он боготворил жену. Но, возможно, богиня Трейси вот-вот рухнет с пьедестала.

Джеф добрался до парка. Когда погода была хорошей, он часто ходил на работу пешком, но этим утром уже опаздывал, так что прыгнул в автобус.

Ребекка и Джеф делили офис на втором этаже музея. Если, конечно, эту комнатушку можно было назвать офисом, ведь здесь помещались только один письменный стол и два стула рядом.

– Привет! – Ребекка протянула ему чашку крепкого черного кофе. Как раз такого, как он любил.

– Привет.

Джеф отметил, что сегодня утром она выглядела просто неотразимо в тесных черных джинсах, бутылочно-зеленой блузке без рукавов, выгодно контрастирующей с тициановскими волосами. Он отметил также, что она чем-то расстро-

ена. Нервно кусает нижнюю губу и избегает встречаться с ним взглядом.

– Что случилось?

– Ничего. Я договорилась о встрече с двумя реставраторами для кельтских рукописей. Думала, мы…

– Не морочь мне голову. Что у тебя на уме?

Ребекка закрыла дверь и прислонилась к ней.

– Боюсь, если скажу, ты возненавидишь меня.

– С чего бы это? – удивился Джеф – Почему я должен тебя ненавидеть?

– Не знаю. Говорят же, что в старину убивали гонца, принесшего дурные вести. Не хочу, чтобы ты считал меня сплетницей. Но я… я тревожусь за тебя. И мне не нравится, когда тебе лгут.

Джеф нахмурился и сел.

– Ладно, теперь ты должна мне сказать. В чем дело?

Неужели кто-то в музее говорит о нем гадости? Или кто-то из коллег метит на его место? Такое бывает. В конце концов, он, любитель, попал на такую важную должность.

– Дело в Трейси.

Джеф дернулся, как от укуса пчелы.

– Что насчет Трейси?

– На прошлой неделе ты сказал, что она уехала в Йоркшир на ночь. На пешую экскурсию.

– Верно, – кивнул Джеф.

– Вовсе нет. – Ребекка залилась краской. – Я видела ее.

– То есть как это «видела»? Где?

– В Лондоне. На Пиккадилли. В тот вечер, когда я ушла пораньше, чтобы встретиться с матерью, помнишь? Я видела, как Трейси выходит из ресторана. Она была с мужчиной. Они смеялись, шутили и…

Джеф повелительно поднял руку:

– Ты, должно быть, ошиблась. Возможно, это какая-то на нее похожая женщина. На расстоянии нетрудно обознаться.

– Я была не на расстоянии, – негромко сказала Ребекка. – Я стояла совсем рядом. Это была она, Джеф. Она не видела меня, потому что была слишком поглощена своим спутником.

Джеф встал.

– Спасибо, что сообщила, – процедил он со скупой улыбкой. – И я не сержусь, потому что ты желала мне добра. Но уверяю, ты ошиблась. На прошлой неделе Трейси была в Йоркшире. А теперь мне нужно в комнату с манускриптами. Я и так на двадцать минут опаздываю.

Ребекка отступила, и он вышел, плотно закрыв за собой дверь.

«Черт побери», – подумала Ребекка.

Следующие три недели были для Джефа пыткой. Он знал, что ему следует расспросить Трейси о том, что сказала Ребекка. Не потому, что он поверил Ребекке. Это ошибка. Должно быть ошибкой. Но Трейси может разуверить его. Джеф отчаянно в этом нуждался, как цветок нуждается в

солнце и воде. И все же он не мог заставить себя спросить прямо. А когда пытался, вспоминал о Луизе.

Луиза Холландер, красавица и богатая наследница, отец которой владел половиной Центральной Америки, была его первой женой. Это она взяла инициативу на себя, настойчиво преследуя Джефа, пока тот не сдался. Джеф искренне полюбил Луизу, причем вовсе не из-за денег. Впервые услышав сплетни о романах Луизы, он не поверил. Друзья Луизы были ехидными снобами, которым очень хотелось разрушить их брак. Вскоре из шепотка слухи превратились в оглушительный рев, и у Джефа не осталось выбора, кроме как признать правду.

Луиза Холландер разбила сердце Джефа. Он поклялся, что впредь останется неуязвим для женских чар. Но потом встретил Трейси и понял, что никогда не любил Луизу по-настоящему. Трейси стала миром Джефа, матерью, которую он потерял, любовницей, о которой мечтал, спарринг-партнером, которого он прежде не мог найти.

«Трейси не обманет меня. Она не способна на такое. Трейси любит меня. Ребекка наверняка ошибается».

И все же с Трейси что-то происходило. Джеф чувствовал это еще до того утра, когда Ребекка сообщила ему неприятную новость. Чувствовал уже несколько месяцев. Пропущенные Трейси ужины, ее неожиданные поездки, встречи без объяснений, полное и абсолютное отсутствие интереса к сексу – все это вызывало у него беспокойство.

Через две недели после бомбы, брошенной Ребеккой, Джеф наконец нашел в себе мужество завести разговор о поездке в Йоркшир. Они читали, лежа в постели, когда он выпалил:

– Ты ощущала себя одинокой пару недель назад, когда поехала на экскурсию?

– Одинокой? – Трейси вскинула брови. – Нет. С чего бы?

– Не знаю. – Джеф придвинулся ближе, обняв ее. – Может, тосковала по мне?

– Это была только одна ночь, дорогой.

– А я скучал по тебе. – Он провел рукой по ее голой спине, прежде чем просунуть палец под эластичную ленту трусиков от Эль Макферсон. – Я все еще скучаю по тебе, Трейси.

– О чем ты? – рассмеялась она, уворачиваясь. – Мы вместе. Я здесь.

«Так ли это?» – подумал Джеф.

Трейси выключила свет.

Раньше работа была блаженным убежищем от эмоционального напряжения дома, но теперь Джефу было не по себе рядом с Ребеккой. Он злился на красивую молодую практикантку. Ребекка ошиблась насчет Трейси! И все же она посеяла в душе Джефа сомнения. Может, она искренне желала ему добра, но несколькими словами нарушила душевное равновесие, заставила почувствовать себя не в своей тарелке не только дома, но и в музее.

Одним дождливым утром Джеф появился в офисе на-

сквозь промокшим, поскольку забыл зонтик. Войдя, он увидел, что Ребекка складывает вещи в коробку.

– Что происходит? – поинтересовался он.

Уложив последние книги, Ребекка подала ему плотный белый конверт. И даже улыбнулась:

– Никаких обид, босс. Мне невероятно нравилось работать с тобой, но мы оба знаем, что дальше так продолжаться не может.

– Как именно продолжаться? – спросил Джеф и, каким бы безрассудным это ни казалось, разозлился еще больше. – Ты увольняешься?

– Ухожу. Увольнением это называется, когда получаешь жалованье.

– Из-за меня?

Впервые за все время Джефу стало стыдно.

– Я считаю тебя удивительным, – призналась Ребекка. И к изумлению Джефа, обняла его и поцеловала в губы. Поцелуй не был долгим, но она ухитрилась вложить в него все, что испытывала к нему. И Джеф мгновенно возбудился, чем был страшно смущен.

– Послушай… – начал он.

Ребекка покачала головой.

– Не надо, пожалуйста, – пробормотала она, протягивая ему диск без этикетки. – После моего ухода посмотри это. Если захочешь поговорить, номера моих телефонов у тебя есть.

Джеф взял диск и конверт, бездумно глядя на то и другое. Для девяти утра впечатлений было больше, чем надо. Прежде чем он успел хоть что-то сказать, Ребекка вышла из комнаты.

Настроение испортилось окончательно. Вдруг ощутив, как устал, он сел на стул. На улице дождь безжалостно лупил по асфальту, бил в маленькое окно перед письменным столом.

«Что случилось с моей жизнью? Меня постоянно атакуют».

Джеф включил компьютер и вставил диск.

За десять минут он посмотрел короткую запись пять раз. Потом прочел письмо Ребекки.

Встал на подгибавшихся ногах, открыл дверь офиса и побрел по коридору. Через несколько секунд он перешел на рысь, потом побежал. Лифта пришлось бы ждать целую вечность, поэтому он помчался вниз, перепрыгивая через две ступеньки.

– Видели Ребекку Мортимер?

Девушка за стойкой растерянно подняла взгляд.

– Здравствуйте, мистер Стивенс. Все в порядке?

– Ребекка… – прерывисто дыша, произнес Джеф. – Видели, как она выходила из здания?

– Да. Прощалась в кафе с кем-то из служащих, но только что ушла. Думаю, она направилась к станции метро.

Джеф уже выскочил из двойных дверей.

Трейси шагала по Мэрилебон-Хай-стрит под маленьким зонтиком, не защищавшим от проливного дождя, но ничто не могло испортить ей настроения. День был долгим и чудесным. Она огляделась в поисках такси.

Трейси давно не чувствовала себя такой счастливой! Так давно вообще не была счастлива, что теперь почти не знала, что делать с собой. Конечно, ее терзали угрызения совести из-за мужа. Бедный Джеф! Он честно пытался облегчить ее скорбь из-за потери ребенка. Трейси видела, какие усилия он прикладывает, но почему-то ей становилось от этого в двадцать раз хуже. Хотя Джеф был ни в чем не виноват.

«Но и я ни в чем не виновата. Я не могу переделать себя. И не могу отказаться от того, в чем нуждаюсь».

Алан понимал. Понимал все, понимал ее так, как никогда не мог понять Джеф.

Трейси снова виделась с ним сегодня. Их отношения дошли до той точки, когда просто пребывание в одной комнате с ним делало ее счастливой и позволяло надеяться на будущее. Надежда – возможно, в этом кроется ключ. Трейси пыталась, действительно пыталась, но чувствовала себя в новой жизни как в западне, с тех пор как они вернулись в Лондон. Такая безнадежность… Дом, когда-то бывший убежищем, теперь стал тюрьмой.

Но больше так не будет.

Теперь Трейси ехала домой, чтобы поговорить с Джефом.

Она нервничала, но в то же время хотела все рассказать ему. Ей необходимо было облегчить душу. Мысль о том, чтобы сбросить мокрую одежду, встать под душ и смыть боль последнего года, наполняла ее невероятным облегчением.

Больше никаких секретов.

Пора начинать новую главу.

В доме не горел свет. Джеф обычно не приходил раньше семи или восьми и, возможно, сегодня будет еще позже, потому что не ожидает ее возвращения. Трейси не знала, в котором часу уйдет от Алана, поэтому сочинила историю об ужине с подругой.

«Это последняя ложь, которую он услышит от меня», – решила она. Отныне они будут честны друг с другом.

Трейси толкнула дверь в их спальню и застыла. На какой-то момент, довольно долгий момент, время остановилось. Глаза Трейси посылали сообщение мозгу, но что-то, возможно сердце, продолжало перехватывать сигнал и посылать обратно.

«Это то, что я вижу! – кричал мозг. – Но такого не может быть!» Она была так безмолвна, неподвижна и едва смела дышать, что Джеф только через несколько секунд догадался о ее присутствии. Когда их взгляды наконец встретились, он стоял у окна, держа в объятиях Ребекку Мортимер.

Оба они были одеты, но блузка Ребекки наполовину расстегнулась, и руки Джефа были на ее спине. Трейси успела заметить, что их поцелуй был полон страсти. Когда Джеф

увидел Трейси и попытался отстраниться, Ребекка вцепилась в него, словно утопающая – в спасательный плот.

Как это ни глупо, но первой мыслью Трейси было, что у Ребекки изумительная фигура. На ней были очень узкие джинсы, и, очевидно, девушка просто мечтала, чтобы Джеф стянул их с нее. Вся эта сцена была словно частью эротического спектакля. Некоего воображаемого действа, от которого Трейси надеялась отрешиться. Это не могло быть реальным. Не могло.

Только когда Ребекка повернулась, увидела Трейси и вскрикнула, иллюзия рассеялась.

– Как ты мог? – спросила Трейси, бросив презрительный взгляд на Джефа.

– Как я мог? Как могла ты?

Джеф пригладил волосы и шагнул к жене. При этом он выглядел взбешенным, если только это возможно, со следами помады на лице и шее.

– Ты все это начала!

– Я? Что? – пролепетала Трейси. – Ты в нашей спальне с другой женщиной!

– Только потому, что у тебя связь с твоим доктором!

Трейси уставилась на него сначала с недоумением, потом с отвращением.

– Не пытайся отрицать! – завопил Джеф.

– Меня от тебя тошнит, – отрезала Трейси. Собственной измены ему недостаточно! Он еще пытается свалить все с

больной головы на здоровую?! – И как давно это происходит?

– Ничего не происходит.

Трейси рассмеялась. Громко, безрадостно.

Этого не может быть!

Она не могла заставить себя взглянуть на Ребекку. Но готова была поклясться, что глаза молодой соперницы торжествующе блестят.

Завернувшись в гнев, как в плащ, Трейси повернулась и выбежала из спальни.

– Трейси! Подожди!

Джеф бросился за ней. Услышал, как хлопнула входная дверь, и выскочил на улицу. Дождь по-прежнему шел, и тротуар был скользким и мокрым.

– Ради всего святого, Трейси!

Он схватил ее за руку, Трейси безуспешно попыталась вырваться.

– Почему ты не хочешь это признать? Знаю, я не должен был целовать Ребекку…

– Целовать? Ты собирался сделать куда больше, чем просто целовать ее. Ты лапал эту особу в нашей спальне! Если бы я не вошла…

– Что? Что было бы, если бы ты не вошла? Я бы переспал с ней? Как ты – с доктором Аланом Макбрайдом?

– Ты несешь вздор.

– А ты лгунья! – В глазах Джефа стояли слезы. – Я видел

запись, Трейси. Видел собственными глазами.

– Какую запись? О чем ты?

– Как ты выходишь из отеля «Беркли» с этим человеком. С этим подонком! И как вы целуетесь на улице в два часа ночи! Той ночи, когда, по твоим словам, ты была в Йоркшире. Ты лгала мне. И тебе хватает наглости обвинять в измене меня!

Трейси закрыла глаза. Она чувствовала, что сходит с ума. Но потом вспомнила, что такова манера Джефа. Именно так он всегда работал в прежние времена. Сбивал с толку и дурачил жертву, пока она до того запутывалась, что не могла отличить правую сторону от левой и верх от низа.

Но она не жертва, не одна из глупых мишеней. Дело в нем и в этой чертовой девице.

– Не знаю, что ты, по-твоему, видел, – отрезала она. – Но единственный мужчина, с которым я спала последние четыре года, – это ты, Джеф!

– Ложь, и ты это знаешь. Ты и Макбрайд.

– Не смей произносить его имя! – вспылила Трейси. – Не смей! Алан – порядочный человек! Честный. В отличие от тебя. Возвращайся к своей любовнице.

Она резко высвободила руку и убежала.

Шли часы. Дождь не унимался. Трейси понятия не имела, куда и почему идет. Скоро совсем стемнело. Наконец она оказалась на улице, где жил Гюнтер Хартог, у его велико-

лепного дома из красного кирпича. Как раз за углом от его антикварного магазинчика на Маунт-стрит. Дом Гюнтера в Мэйфере был одним из самых безопасных для Трейси мест. Счастливых мест. Они с Джефом провели здесь много долгих веселых, беззаботных вечеров, обсуждая завершенные дела и планируя новые.

Они с Джефом…

На первом этаже горел свет. Гюнтер, несомненно, у себя в кабинете, до поздней ночи читает книги по искусству или политике. Джеф недаром называл его самым образованным мошенником в Европе.

«Джеф… Будь проклят прежний Джеф! Он повсюду».

Впервые за вечер Трейси дала волю слезам. Перед глазами все еще стоял Джеф, обнимавший эту ужасную девицу. Она не сможет забыть эту картину!

«Они были в нашей спальне. Если бы я не вошла, они занялись бы любовью. Я это знаю. И насколько могу понять, не раз проделывали это раньше!»

Первым порывом было выцарапать глаза Ребекке, но она сдержалась.

«Я отказываюсь быть одной из тех женщин, которые во всем винят соперницу. К чему этой девчонке уважать свадебные обеты Джефа, если сам он их не уважает?! Нет, здесь всему причиной Джеф. Он лгун и изменник!»

Тоненький внутренний голосок посмел напомнить, что она тоже лгала. Но Трейси его задушила.

«Держись за свой гнев, – велела она себе. – Не отпускай!»

Она не могла вломиться в дом Гюнтера, чтобы искать там утешения. Она не могла вернуться домой. На какой-то миг ей пришла в голову дикая, безумная мысль постучать в дверь дома Алана Макбрайда. Он всегда заставлял ее чувствовать себя такой защищенной. Но у доктора Майбрайда своя семья, своя жизнь. Она не может навязываться, хотя осталась совсем одна.

Она тут же погладила чуть набухший живот и сказала:

– Прости, милый. Я имела в виду, что мы совсем одни. Но ты не должен волноваться. Мамочка о тебе позаботится. Мамочка всегда будет о тебе заботиться.

Наутро Джеф проснулся с таким ощущением, что его переехал грузовик.

Ребекка ушла сразу после Трейси.

– Я могу остаться, ты хочешь? – с надеждой предложила она.

– Нет. Возвращайся к себе. А завтра приходи на работу. Если кто и уйдет из музея, то это буду я. Не ты.

Она послушалась. Джеф понимал, что рано или поздно ему придется разобраться с ситуацией. Но не со всеми проблемами одновременно.

Он попытался дозвониться Трейси – ее сотовый был выключен. Обзвонил ее друзей, знакомых, приятелей по прежним временам. Но и через двенадцать часов ничего не узнал.

Никто не видел ее. Не слышал о ней. Даже Гюнтер.

– Я волнуюсь.

Джеф налил себе третий стаканчик «Лафройга» из графина Гюнтера. Он не мог вынести мысли о том, чтобы ночевать на Итон-сквер. Трейси вряд ли скоро вернется, и их спальня стала сценой преступления, поэтому Гюнтер предложил ему постель. Джеф втайне надеялся, что Трейси рано или поздно появится здесь и Гюнтер будет судьей в их спорах, пока они не помирятся. Потому что они должны помириться. Иное просто немыслимо.

– А если с ней что-то случилось?

– Трейси вполне способна позаботиться о себе, – покачал головой Гюнтер. – Кроме того, с ней действительно что-то случилось – она застала своего муженька в постели с другой женщиной.

– Мы были не в постели.

– Ну почти. Кто эта мерзкая шлюшка?

– Она не мерзкая и не шлюшка. Ее зовут Ребекка. И она здесь ни при чем.

Гюнтер с сомнением изогнул брови.

– Очевидно, Трейси так не считает.

– Иисусе! Гюнтер, и ты тоже? Я говорил тебе, это Трейси мне изменяет. Не я – ей.

– Хм. – Гюнтер нахмурился. – Да, ты говорил.

Ему было чрезвычайно трудно поверить, что Трейси спо-

собна обманывать Джефа. Возможно, потому, что он глубоко, отчаянно не желал в это поверить. Однако он, Гюнтер Хартог, был достаточно стар и мудр, чтобы знать: каждое человеческое существо способно на неверность. Вполне разумно предположить, что профессиональные мошенники вроде Трейси и Джефа более способны на это, чем остальные. А Трейси последнее время была в депрессии и совершенно на себя не походила.

– Она лгала мне много месяцев, – бросил Джеф. – И вчера я собственными глазами видел доказательство. Все записано на видео, Гюнтер, видеонаблюдения. Я не сочиняю. Только после того, как я увидел правду в черно-белом цвете, споткнулся… с Ребеккой.

– Раньше ты с ней не спал?

– Нет. Хотя искушение было велико, – признался Джеф. – Но я никогда не касался ее.

– А ты переспал бы с ней, если бы Трейси не вошла?

– Возможно. Да. Трейси разбила мне сердце. Ради всего святого! Какое это имеет значение сейчас, когда я не знаю, где она! – Джеф в отчаянии запустил пальцы в густые темные волосы.

– Ты уверен, что она спала с этим типом? С доктором?

– Уверен, – угрюмо подтвердил Джеф.

– И все-таки хочешь, чтобы она вернулась?

– Конечно. Она моя жена, я ее люблю. Я знаю, что она тоже меня любит, несмотря ни на что. Эта история с ребенком

выбила из колеи нас обоих.

– Ну, – улыбнулся Гюнтер, – в таком случае ты найдешь ее. Постарайся не паниковать, старик, твоя жена появится.

Трейси не появилась.

Ни в ту ночь. Ни на следующий день. Ни через две недели.

Джеф взял в музее отпуск. Стучал в двери каждого знакомого Трейси, пусть даже и случайного. Связывался с оценщиками, реставраторами, с которыми они работали в прошлом. Со служащими различных благотворительных учреждений, работавших с заключенными, которым помогала Трейси.

Расстроенный, с красными от недосыпания глазами, Джеф позвонил даже ее личному тренеру.

– Если бы я видел ее, честно сказал бы.

Карен, болтливая крашеная блондинка из Эссекса, не могла представить, что могло заставить женщину сбежать от такого шикарного мужчины, как Джеф Стивенс. Даже красотка вроде Трейси не могла бы заполучить лучшего.

– Ее здесь не было уже несколько недель, – заявила Карен.

Наконец Джеф ворвался в дом 77 на Харли-стрит.

– Я хочу видеть доктора Алана Макбрайда. Ублюдок трахал мою жену.

Сидевшие в очереди женщины отложили экземпляры «Кантри лайф» и потрясенно уставились на него. По крайней мере, Джеф предположил, что они потрясены. Многим было за тридцать, они явно злоупотребляли ботоксом, и потому

их лица не смогли выразить больше, чем легкое удивление.

– У них была связь, и теперь моя жена пропала! – заявил Джеф несчастной медсестре в приемной. – Я хочу видеть Макбрайда!

– Вижу, вы расстроены, сэр.

– Вы очень наблюдательны.

– Но, боюсь, доктор Макбрайд…

– Занят? Бьюсь об заклад, так оно и есть.

Игнорируя протесты медсестры, он ворвался в кабинет доктора. Комната была пуста. По крайней мере, так посчитал Джеф, пока не услышал голосов мужчины и женщины, которые доносились из-за зеленой занавески, скрывавшей смотровое кресло в глубине помещения.

Джеф сорвал занавеску и увидел в быстрой последовательности сначала женскую вагину. Потом – лицо женщины, которая лежала на кресле. Выражение лица быстро менялось от удивления к смущению и ярости.

И наконец – доктора.

Доктор, лет около шестидесяти пяти, был грузным лысеющим мужчиной и, насколько мог предположить Джеф, – иранцем. Более того, он явно не был доктором Макбрайдом.

– Простите. Ошибся комнатой, – поспешно объяснил Джеф, отступая.

Медсестра с яростью уставилась на него:

– Я пыталась вам сказать, что доктор Макбрайд в отпуске.

– Где?

– Вряд ли это вас касается.

– Где?! – грозно потребовал ответа Джеф.

Медсестра съежилась:

– В Марокко. Со своей семьей.

«Так у него еще и семья есть? Ублюдок!»

– Когда он вернется?

Медсестра немного пришла в себя.

– Я прошу вас уйти, сэр. Это кабинет доктора, а вы пугаете пациентов.

– Передайте Макбрайду, что я вернусь. Что еще ничего не кончено, – заявил Джеф. Словно в тумане, он побрел по Харли-стрит.

«Где ты, Трейси? Где ты, во имя Господа?»

До Итон-сквер он доехал на такси, как делал каждый день, на случай, если Трейси решит вернуться. И радостно встрепенулся, увидев в саду женщину, склонившуюся над кустами роз. Но, приблизившись, увидел, что это не Трейси.

– Могу я чем-то помочь?

Женщина обернулась. На вид ей было немного за сорок. Блондинка с решительным, сильно накрашенным лицом и залаченной прической, из тех, кого Джеф всегда ассоциировал с папарацци.

– Кто вы? – грубо спросила она.

– Я Джеф Стивенс. Это мой дом. А вы кто?

«Журналистка» вручила ему визитку.

«Хелен Флинт. Партнер, Фокстонс».

– Вы риелтор?

– Совершенно верно. Миссис Трейси Стивенс поручила мне выставить дом на продажу. Что-то не так?

– Все так, – кивнул Джеф, сердце его забилось быстрее. – Дом куплен на имя Трейси. Когда она попросила продать его, если не секрет?

– Сегодня утром, – деловито ответила Хелен Флинт и, вынув ключ из сумки от Ани Хиндмарч, стала открывать входную дверь. Теперь, когда подтвердил, что он не совладелец, Джеф стал досадной помехой.

– Вы ее видели? Лично? – допытывался Джеф.

Риелтор, игнорируя его, набрала код, чтобы выключить сигнализацию, и вошла на кухню, делая на ходу заметки. Джеф последовал за ней.

– Я задал вам вопрос, – процедил он, беря ее локоть. – Моя жена приходила к вам в офис сегодня утром?

Хелен Флинт посмотрела на него так, словно к подошве туфли пристало что-то мерзкое.

– Отпустите меня, или я позову полицию.

Джеф отступил.

– Простите, но моя жена отсутствует уже две недели. Я ужасно тревожусь за нее.

– Видите ли, ваши личные проблемы – дело не мое. Но я отвечу на ваш вопрос. Ваша жена дала инструкции по телефону. Мы не встречались.

– Она сказала, откуда звонит?

– Нет.

– Но она хотя бы оставила номер телефона?

– Нет. У меня ее адрес электронной почты. Она сказала, что так легче всего с ней связаться. – Риелтор нацарапала что-то на обороте другой визитки. – А теперь, если не возражаете, мистер Стивенс, я должна заняться делом.

Джеф взглянул на визитку, и сердце его упало. Это был адрес Hotmail, проследить который было невозможно.

– Если она снова свяжется с вами, мисс Флинт, пожалуйста, попросите ее позвонить мне. Это очень важно.

Риелтор ответила взглядом, явно говорившим, что ей абсолютно все равно.

Джеф вернулся к Гюнтеру.

– По крайней мере, ты знаешь, что она жива и здорова, – сказал Гюнтер за ужином, пытаясь успокоить друга.

– Жива, здорова и продает наш дом, – вздохнул Джеф. – Она разрушает нашу жизнь, Гюнтер. Даже не поговорив со мной. Это несправедливо. Не такую Трейси я знал.

– Полагаю, она сильно ранена.

– Я тоже.

У Гюнтера заныло сердце, когда он увидел, что Джеф пытается сдержать слезы.

– Я должен ее найти, – сказал Джеф наконец. – Похоже, я чего-то не понял.

Ребекка Мортимер готовилась спать, когда в дверь позво-

нили.

– Кто там?

– Это я, – раздался мрачный голос Джефа по ту сторону двери. Сердце Ребекки пропустило удар. – Прости, что пришел так поздно. Это очень важно.

Ребекка открыла.

– Джеф! Какой чудесный сюрприз!

– Можно войти?

– Конечно.

Он последовал за ней в гостиную, заставленную недопитыми чашками кофе среди книг по кельтским манускриптам. Волосы Ребекки были мокрыми после душа, а ночная рубашка облепляла ее все еще влажную кожу. Джеф пытался не замечать, как задрался подол, обнажая гладкую упругую кожу бедер, когда она села на диван.

– Диск, который ты мне дала. Тот, где Трейси вместе с Макбрайдом. Где ты взяла запись?

На минуту Ребекка растерялась.

– Это так важно? – спросила она наконец.

– Для меня – да.

Она поколебалась.

– Боюсь, не могу тебе сказать.

– Почему?

– Я не выдам друга. Это очень сложно, но ты должен мне доверять.

После короткого молчания Джеф спросил:

– У тебя есть еще копия?

– Да, – удивилась Ребекка. – зачем тебе?

– Я уничтожил оригинал, который ты дала мне. Очень злился и поступил необдуманно. Хотелось бы взглянуть еще раз. Надеюсь, там могут быть какие-то доказательства, то, что я пропустил в первый раз и что поможет мне найти Трейси. Ты отдашь мне диск?

Ребекка поджала губы и неохотно пробормотала:

– Ладно.

Она полагала, что Джеф пришел сегодня не только ради записи.

Делая все, чтобы скрыть разочарование, она подошла к столу, выдвинула ящик, вытащила диск и отдала ему.

– Сам знаешь: она тебя не любит.

Джеф поморщился.

– Или любит не так, как люблю тебя я.

Он с искренним изумлением уставился на Ребекку.

– Ты не любишь меня. Потому что едва знаешь.

– Неправда!

– Правда. Поверь. Кроме того, я слишком стар для тебя.

– Кто сказал?

Ребекка подошла ближе и обвилась вокруг него, как кобра, и стала целовать со страстью, заставшей Джефа врасплох.

Она, конечно, абсолютно роскошная девица, но он к такому не был готов.

Он оттолкнул ее мягко, но решительно.

– Я женат. То, что случилось между нами тогда…

– Почти случилось, – поправила Ребекка.

– Почти, – согласился Джеф. – Так или иначе, это не должно было произойти. Я был зол и обижен, но я люблю свою жену.

– Твоя жена шлюха!

Милое, невинное лицо Ребекки неожиданно исказилось, превратившись в уродливую маску ярости и ревности. Шокированный, Джеф отступил от нее. Он не представлял, что она может быть такой.

Страшная догадка поразила его. Словно кто-то перерезал кабель лифта, в котором он поднимался. В животе все перевернулось, волосы на голове встали дыбом.

– Где ты раздобыла запись? – спросил он снова. – Скажи мне!

– Не скажу! – отрезала Ребекка. – Неужели не видишь, в чем тут все дело? Трейси трахалась с другим за твоей спиной. И это главное. Кому интересно, как я ее разоблачила? Важно, что я это сделала. Сделала, потому что ты небезразличен мне, Джеф. Я люблю тебя.

Джеф молча ушел, крепко сжимая в руке диск.

На следующий день в семь утра Джеф уже сидел в подвальном офисе Виктора Личенко в Пимлико, глядя на экран.

Виктор был старым другом и одним из лучших аудиовизуальных экспертов в преступном мире Лондона. Мастер под-

делывать записи (не только изображение, но и звук), Виктор Личенко называл себя художником цифрового мира, и редко кто из работавших с ним не соглашался с этим определением.

– Неплохая работа, – сделал он вывод, прихлебывая двойной эспрессо, принесенный Джефом. – Самая распространенная ошибка любителей – пытаться сделать что-то чересчур сложное. Но тут просто подделана строка времени и изменено освещение. Очень легко. Очень эффективно.

– Так это действительно Трейси?

– Это Трейси. Сама запись подлинная. Ничего на нее не наложено. Ничего не смонтировано. Все, что она сделала, – изменила время в нижнем правом углу. Ты посчитал, что это снято в два часа ночи, но если стереть эту строчку, вот так… – Он нажал несколько клавиш. – И удалить наложенные тени, вот так… – Снова барабанная дробь клавиш. – Вуаля! Теперь видишь?

Джеф нахмурился.

– Вижу то же самое, только все происходит днем. Трейси выходит из отеля с любовником.

– Нет-нет-нет, – перебил Виктор. – Присмотрись. С чего ты решил, что он ее любовник?

– Ну… она его целует. Прямо на улице, – нерешительно пробормотал Джеф.

– В щеку, – указал Виктор. – Скольких женщин ты целуешь в щеку каждый день? И что из этого? Кстати, что там

дальше? – Он стал медленно прокручивать пленку. – Они обнимаются. По-дружески. И расходятся. Сказать, как это выглядит, по моему мнению?

– Как?

Во рту у Джефа пересохло.

– Похоже, двое друзей расстаются после ленча.

Джеф всматривался в каждый кадр.

– Это самый старый трюк на свете. И один из лучших. Я сам использовал его в бесчисленных бракоразводных процессах, – пояснил Виктор. – Мужчина и женщина выходят из отеля в два часа ночи и обнимаются, и при этом жена сказала мужу, что проводит ночь в трех сотнях миль от Лондона? Вот это измена. Но немного подправь обстоятельства, и что мы имеем?

– Ничего, – прошептал Джеф едва слышно.

– Именно, – кивнул Виктор. – Абсолютно ничего.

Клерк у стойки администрации Британского музея тепло улыбнулась:

– Мистер Стивенс! С возвращением!

Джеф поспешил мимо нее в свой офис и распахнул дверь.

На столе была вытерта пыль, но все остальное осталось точно таким же, как в тот день, когда он выбежал отсюда. Когда в последний раз видел Трейси.

Вещей Ребекки не было.

Двадцать минут ушло на то, чтобы добраться до дома Ребекки. Проигнорировав кнопку звонка ее квартиры – никаких предупреждений на этот раз, – Джеф вынул из кармана шпильку и в два счета открыл замок.

Оказавшись в доме, он проскользнул наверх, готовый вломиться в квартиру и предстать перед Ребеккой. Эта дрянь намеренно обманула его, разрушила его брак и держала за дурака. При мысли о том, что он едва не переспал с ней, его чуть не стошнило. Но теперь все в прошлом. Теперь он знает правду. И заставит ее заплатить. Он найдет Трейси и вынудит Ребекку сказать ей правду. Трейси, конечно, будет злиться. И имеет на это полное право. Но когда увидит, как отчаянно он грустит и раскаивается в том, что сомневался в ней, поймет, каким поистине макиавеллиевским умом обладает молодая Ребекка Мортимер…

Джеф остановился у квартиры Ребекки, у широко распахнутой двери.

Комнаты внутри выглядели словно после разрыва бомбы. Повсюду были разбросаны книги и одежда.

Престарелый уборщик-индиец удивленно уставился на него.

– Если ищете молодую леди, она исчезла, сэр. Еще прошлой ночью. Сказала охраннику, что не вернется. – Он с горечью покачал головой: – Никакой совести у этой молодежи. Она не заплатила арендную плату за три месяца.

Глава 5

Она открыла кейс и взглянула на деньги:

– Двести пятьдесят тысяч?

– Конечно. Как договаривались. Можешь пересчитать.

– Обязательно. Но позже. Не то чтобы я думаю, что вы меня обманываете…

– Надеюсь, что нет.

– Но люди иногда ошибаются.

– Я не ошибаюсь, – улыбнулся он.

Конечно, он делал ошибки в прошлом. Ошибки, которые дорого ему стоили. И худшая была в том, что он поверил слову Джефа Стивенса и Трейси Уитни. Эти двое мерзких жуликов когда-то разрушили его жизнь. Теперь он отплатил, хоть и в меньших масштабах, – разрушил их брак. Конечно, этого недостаточно. Но все же начало положено.

– Мне не понравилась эта работа, – сказала девушка, перекладывая содержимое кейса в собственный потрепанный рюкзак. С тех пор как он в последний раз видел ее в Лондоне, она успела постричь волосы, и теперь у нее была короткая прическа в стиле шестидесятых. Он предпочитал тот образ, в который она вошла, играя роль Ребекки Мортимер: длинные пряди и веснушки. Девичья невинность ей не шла.

– Пусть Трейси – настоящая сука, но Джеф – человек хороший. Мне не по себе из-за этого.

Мужчина презрительно скривил губы.

– Твои чувства никакого значения не имеют.

«А для меня имеют», – хотела бы она сказать, но зачем? Она давно поняла, что споры с этим человеком бесполезны. Несмотря на блестящий ум или, возможно, благодаря ему, он обладал эмоциональной чувствительностью амебы. Но если хорошенько подумать, амеба по сравнению с ним была ангелом доброты.

– Так или иначе… – Он неприятно улыбнулся. От этой улыбки ее всегда бросало в дрожь. – Тебя трахнули, верно? Женщины обожают, когда их трахают, особенно если этим занимается Стивенс. Возможно, при мысли об этом твои титечки уже зудят?

Она проигнорировала его слова и, застегнув рюкзак, щелкнула замочком. Так вышло, что она не спала с Джефом Стивенсом. К ее крайнему раздражению, Трейси Уитни помешала в самый критический момент. Но ему она этого не скажет. Она будет счастлива, когда они снова начнут грабить художественные галереи и ювелирные магазины.

– Я не шутила, – сказала она, вставая. – Дальше счеты с ним можете сводить сами.

– Но я не прощаюсь, – сказал мужчина.

Через месяц после того, как Трейси бросила его, Джеф снял квартиру в Розари-Гарденс в Саут-Кенсингтоне, отключил телефон и почти не выходил из дома.

Не получив ответа на десяток голосовых сообщений, профессор Ник Тренчард пришел к нему на квартиру.

– Возвращайся в музей, – сказал он Джефу. – Тебе нужно чем-нибудь заняться.

Он попытался не показать, настолько шокирован видом Джефа. Тот оброс густой бородой, состарившей его на десяток лет, смятая одежда висела на костлявой фигуре, как лохмотья на чучеле. Повсюду были разбросаны пустые пивные банки и коробки из-под заказанных на дом обедов. На заднем фоне постоянно жужжал телевизор.

– Я уже занят. Не поверишь, сколько серий «Чужого среди своих» я пропустил, с тех пор как женился, – пошутил Джеф, но в его глазах больше не искрился смех.

– Я серьезно, Джеф. Тебе нужна работа.

– У меня есть работа.

– Правда?

– Еще бы! Пьянство.

Джеф рухнул на диван и открыл новую банку с пивом.

– Оказалось, что я в этом преуспел. Подумываю дать себе повышение. Может, что-нибудь в отделе «Джек Дэниелз».

Его пытались образумить и другие друзья. И тоже безуспешно. Но только Гюнтер Хартог не пожелал смириться с отказом.

– Собирайся, – велел он Джефу. – Едем в деревню.

Гюнтер появился в квартире на Розари-Гарденс с неболь-

шой армией бразильянок, которые принялись вывозить горы мусора, накопленного Джефом во время добровольного заточения. Когда он отказался сдвинуться с дивана, четыре женщины оторвали его от земли вместе с «Джеком» и вымели скопившуюся грязь.

– Ненавижу деревню.

– Вздор. Хэмпшир прекрасен.

– Красота его сильно преувеличена.

– У тебя алкогольное отравление. Бери чемодан, Джеф.

– Я никуда не еду, Гюнтер.

– Едешь, старик.

– А если нет? – рассмеялся Джеф. – Собираешься увезти меня силой?

– Не глупи, – сказал Гюнтер. – Вздор какой.

Джеф почувствовал резкий укол в левой руке.

– Какого… – Он едва успел увидеть шприц и довольную улыбку Гюнтера, прежде чем все почернело.

Целый месяц ушел на то, чтобы вышибить из Джефа алкогольные пары. Теперь он был трезв и достаточно нормален, чтобы снова начать есть и бриться. Настало лето. Гюнтер надеялся, что Трейси, возможно, свяжется с ними. Но от нее по-прежнему не было ни слова.

– Нужно идти дальше, старина, – твердил Гюнтер. – Нельзя провести остаток жизни в ожидании телефонного звонка. Это кого угодно доведет до безумия.

Они гуляли в саду особняка Гюнтера семнадцатого века – тридцать акров рая, включавшего не только сады, но и озеро, лес плюс маленькую ферму. Гюнтер стал пионером самоокупаемости задолго до того, как она вошла в моду, и гордился тем, что живет почти исключительно на доходы с собственной земли. Тот факт, что земля была куплена на деньги от украденных драгоценностей, не портил его мнения о себе как о честном фермере.

– Я согласен, что нужно продолжать жить, – кивнул Джеф, останавливаясь, чтобы восхититься голубятней и ее обитателями. Когда-то он и Трейси воспользовались почтовыми голубями Гюнтера во время их последнего дела в Амстердаме. – Но не могу заставить себя вернуться в музей. Ребекка все испортила. Вместе с остатком моей жизни.

Горечь в его голосе больно ранила.

– Кстати, насчет Ребекки, – вспомнил Гюнтер. – Мне удалось раздобыть кое-какую информацию о молодой леди. Если тебе интересно.

– Конечно, – кивнул Джеф. Ребекка каким-то странным образом казалась связью с Трейси, одной из немногих, которые еще оставались.

– Ее настоящее имя – Элизабет Кеннеди.

Если Джеф и был удивлен тем, что «Ребекка Мортимер» – псевдоним, то не подал виду. Недаром большую часть жизни провел в мире, где все не было тем, чем казалось.

– Выросла в Вулверхэмптоне, бедняжка, у приемных ро-

дителей, которые с самого начала не могли с ней справиться. Очевидно, очень умна и способна, но училась в школе плохо. К одиннадцати годам ее дважды исключали.

– Мое сердце истекает кровью, – пробормотал Джеф.

– К шестнадцати годам у нее уже был ряд небольших столкновений с законом, и она получила первый условный срок.

– За?

– Мошенничество с кредитными картами. Она вызвалась помогать местной благотворительной организации и скачала данные о всех спонсорах с их компьютера. Потом стала снимать небольшие суммы – несколько пенсов там, несколько здесь, с каждого пожертвования. И за восемнадцать месяцев накопила тридцать тысяч фунтов, прежде чем на нее обратили внимание. Как я уже сказал, она умна и действовала самыми простыми методами.

Джеф вспомнил о любительски подделанном видео, и ему стало не по себе.

– Выйдя из тюрьмы, она так и не вернулась домой. Теперь гоняется за рыбой побольше. Занимается в основном кражами драгоценностей. И очень в этом преуспела. Очевидно, работает с партнером, но никто не знает, с кем именно.

– Но что ей было нужно в Британском музее? Если не считать меня, конечно, – спросил Джеф.

– Мы не знаем. Но я подозреваю, ничего. Она использовала работу как прикрытие, пока обтяпывала в Лондоне дру-

гие делишки. Ее имя связывают с налетом на Тео Феннела в прошлое Рождество.

Джеф едва не ахнул. Весь преступный мир только и говорил тогда о краже рубинов на миллион фунтов из головного магазина Тео Феннела на Олд-Бромптон-роуд. Работа была выполнена идеально, и полиция не нашла ни одной улики.

– Есть какая-то идея относительно того, где она сейчас?

– Ни одной. Хотя знай я, не уверен, что сказал бы тебе. Не хотелось бы, чтобы ты остаток дней своих провел в тюрьме за убийство, старина. Жаль, если хороший человек будет смотреть на небо сквозь решетку.

Они прогуливались по гравийной дорожке, обсаженной розами, люпинами, наперстянкой и алтеем.

Джеф подумал, что Гюнтер прав: Хэмпшир прекрасен. По крайней мере, этот маленький уголок. Сможет ли он когда-нибудь оценить по достоинству эту красоту? Без Трейси все чувства притупились, всякое удовольствие лишилось остроты. Все равно что смотреть на мир сквозь очки с серыми линзами.

– Мне действительно нужна работа, – сказал он в раздумье. – Может, попробовать устроиться в музей поменьше? Или в один из исторических отделов университета. Лондонский колледж ищет кандидатуру.

Гюнтер остановился как вкопанный. Потом строго сказал:

– Послушай, довольно этой чепухи. Ты не создан для того, чтобы быть чертовым библиотекарем, Джеф. Если хочешь

выслушать мое мнение – бросить такую карьеру было невероятной глупостью… что и вызвало все проблемы между тобой и Трейси.

Джеф снисходительно улыбнулся:

– Гюнтер, моя карьера, как ты ее называешь, была сплошным нарушением закона. Я был вором. Грабил людей.

– Только тех, кто это заслуживал, – напомнил Гюнтер.

– Может быть, но я всю жизнь провел в бегах, постоянно оглядывался.

Глаза старика лукаво блеснули.

– Знаю. Но ведь было весело!

Джеф разразился смехом. Впервые за несколько месяцев. И ощущение было прекрасное!

– Только подумай, каким триумфальным было бы твое возвращение! – с энтузиазмом принялся уговаривать Гюнтер. – Особенно теперь, когда ты стал признанным специалистом по антиквариату. У тебя есть мозги и связи. Прекрасно подвешенный язык и не менее прекрасные навыки. Никто в мире не способен на то, что умеешь ты. Джеф, ты уникален. Имеешь хотя бы представление, сколько готовы платить богатые частные собиратели? Некоторые привыкли покупать все, что хотят: дома, самолеты, яхты, бриллианты, любовниц, влияние. Их заводит осознание того, что можно получить все, что не всегда продается. Например, уникальные исторические предметы. Те, которые только ты можешь обнаружить и достать.

Джеф позволил себе несколько минут упиваться привлекательностью идеи.

– Можешь называть свою цену, – сказал Гюнтер. – Чего ты хочешь, Джеф? Чего ты действительно хочешь?

«Единственное, чего я хочу, – возвращения Трейси. Но этого ты мне дать не можешь».

Гюнтер наблюдал, как омрачается лицо Джефа. Сообразив, что потеряет его, как только момент пройдет, он сделал главный ход.

– Получилось так, что у меня есть именно работа, с которой можно начать, – объявил он, сжимая плечи Джефа костлявыми пальцами. – Что скажешь насчет небольшой увеселительной поездки в Рим?

Глава 6

Роберто Климт вышел на балкон роскошной квартиры на виа Венето полюбоваться закатом.

Роберто считал себя ценителем красоты во всех формах. Его приводили в восторг вечернее винно-красное солнце, кровоточившее на римском горизонте. Портрет работы Баскии, висевший над его кроватью и изображавший два обезьяноподобных лица в буйстве красной, голубой и желтой красок. Идеальный изгиб ягодиц юноши по вызову, ожидавшего его в постели в загородном доме в Сабине, в сорока минутах езды от города. Роберто Климт наслаждался, смаковал и упивался всеми этими вещами.

«Я имею их, потому что заслужил. Потому что я истинный художник, а только истинные художники должны вознаграждаться истинной красотой!»

Сорокалетний, ошеломительно тщеславный, с густыми крашеными светлыми волосами, полногубым, жестоким чувственным ртом и янтарно-желтыми глазами змеи, Роберто Климт занимался куплей-продажей предметов искусства. Питал пристрастие к юным мальчикам. Он сделал первые десять миллионов на мошенничестве с недвижимостью, подкупив продажную местную полицию. Следующие девяносто миллионов были сделаны на искусстве – бизнесе, к которому у Роберто были, несомненно, блестящие способности.

Роберто не только разбирался в красоте, но и умел ее продать. И в результате жил, как римский император эпохи упадка, баснословно богатый, развращенный, продажный и ни перед кем не имеющий обязательств.

Ветерок позднего лета слегка холодил. Роберто, нахмурившись, ушел с балкона в роскошную гостиную и закрыл за собой высокие подъемные окна.

– Принесите плед, – приказал он, ни к кому в особенности не обращаясь.

Во всех домах Роберто было полно слуг. Он никогда не интересовался обязанностями каждого, но знал, что если хоть кто-то находится поблизости, его желания тут же исполнятся.

– И принесите чашу. Я желаю посмотреть на чертову чашу.

Через несколько минут хорошенький темноволосый мальчик с длинными ресницами и трогательной ямочкой на подбородке притащил хозяину шафраново-желтый кашемировый плед от Лоро Пианы – поскольку приближалась осень, Роберто признавал только осеннюю палитру цветов – и закрытый плексигласовый футляр, в котором лежала маленькая чаша из чистого золота.

Роберто отпер футляр ключом, который носил на платиновой цепочке на шее, и любовно взял чашу, как мать – новорожденное дитя.

Не больше современной десертной чаши и совершенно

не украшенная резьбой или филигранью, чаша была олицетворением простоты. Отполированная и ослепительная. С гладкими, вытертыми прикосновениями многочисленных рук боками, она, как казалось Роберто, излучала некую магическую силу.

– Это принадлежало императору Нерону, знаешь? – промурлыкал он мальчику, который ее принес. – Его губы касались края в этом месте. Прямо там, где сейчас мои. – Роберто прижал влажные мясистые губы к металлу, оставляя блестящую дорожку слюны. – Хочешь попробовать?

– Нет, сэр, спасибо, мне было бы не по себе.

– Попробуй! – скомандовал Роберто.

Мальчик, краснея, сделал, как было велено.

– Видишь? – довольно улыбнулся Климт. – Ты только сейчас коснулся величия. Каково это?

Мальчик что-то беспомощно залепетал.

– Не важно. – Роберт отпустил его резким жестом руки. – Филистер, – пробормотал он тихо. Это крест, который ему приходится нести. Быть постоянно окруженным ничтожными людьми, неспособными осознать истинную природу красоты!

Все же он утешал себя тем, что подобные испытания уготованы всем великим художникам. Благородные страдания.

Завтра он, Роберто, уедет в свой загородный дом. Чаша Нерона последует за ним несколько дней спустя. Климт нанял элитарную команду секьюрити, чтобы защитить свои со-

кровища. Глава этой команды несколько дней назад уведомил Роберто о слухах, касавшихся некоего плана ограбления квартиры на виа Венето.

– Ничего конкретного. Только намеки и шепоток. Какой-то большой шишке в преступном мире, откуда-то из-за границы, понравились экспонаты вашей коллекции.

– Держу пари, что понравились, – рассмеялся Роберто. У любого вора больше шансов ограбить Форт-Нокс, чем обойти систему охраны его квартиры. Тем не менее, по совету главы секьюрити, он согласился перевезти чашу Нерона и еще пару редчайших экспонатов в Сабину. Единственным частным итальянским владением, охраняемым лучше римской квартиры Роберто Климта, было загородное поместье Роберто Климта. Он лично будет наблюдать за установкой чаши в только что переоборудованной «сокровищнице», а в ожидании ее прибытия станет наслаждаться телом юноши по вызову.

Юноше было восемнадцать. Ему щедро платили за услуги. Роберто предпочитал юных мальчиков, из тех, кто не склонен к содомскому греху. Притворная покорность была плохой заменой подлинному сопротивлению. Но после неприятного инцидента с двумя цыганскими мальчишками, которые спрыгнули с крыши здания после свидания с Роберто, ему волей-неволей пришлось стать более осторожным.

«Чертовы цыгане! Шваль, все до одного!»

В высшем обществе Рима были те, кто их извинял. Ли-

беральі прощали им грязь, уродство и воровство, оправдывая все это их бедностью. Роберто презирал бедных людей. Когда-то он сам был беден и считал это грязным пятном на своей репутации и добром имени.

Он скорее умрет, чем вернется к такой жизни.

Джеф Стивенс въехал в «Отель де Рюсс» под именем Антуана Дюваля.

Гюнтер кратко сообщил другу детали его «биографии»: Антуан Дюваль имеет двойное франко-американское гражданство. Возраст – тридцать шесть лет. Читает лекции в Сорбонне, работает консультантом по искусству у различных богатых собирателей в Париже и Нью-Йорке. Приехал в Рим, чтобы сделать кое-какие приобретения.

– Надеюсь, Антуан любит многие хорошие вещи в жизни? – спросил Джеф.

– Естественно.

– Как он относится к «Отель де Рюсс»?

– Он всегда живет только в люксе «Нижинский».

– Он уже мне нравится.

Девушка за стойкой портье была сногсшибательной – темноволосой, с прекрасными формами, как итальянская кинозвезда пятидесятых.

– Ваш номер готов, синьор Дюваль. Помочь вам с багажом? Или с чем-нибудь еще?

Какую-то долю секунды Джеф обдумывал многообещаю-

щие перспективы, скрытые под словами «чем-нибудь еще». Но все же сдержался. Работа, на которую отправил его Гюнтер, была сложной и опасной. Он не может позволить себе отвлечься.

– Нет, спасибо. Только ключ.

Люкс «Нижинский» был роскошен. Он находился на верхнем этаже отеля и имел террасу, откуда открывался поразительный вид на виллу Боргезе и римские крыши. Люкс прекрасно декорировали. Спальня была с гигантской кроватью; в гостиной находился телевизор с плоским экраном. В номере была мраморная, выложенная изразцовой мозаикой ванная комната с утопленной ванной.

Джеф принял душ, переоделся в льняные брюки и голубую рубашку, прекрасно оттенявшую его серые глаза, и спустился в знаменитый «тайный сад» отеля.

– Будете ужинать у нас, синьор Дюваль?

– Не сегодня.

Джеф заказал двойной джин-тоник и прошелся по саду. Человек, которого он ждал, тихо сидел под бугенвиллеей, читая газету «Республика». У него были длинные, подкрученные кверху усы и бачки. Даже сидя, он казался необычайно высоким. Далеко не серый, безликий человек в толпе, которого Джеф надеялся увидеть.

– Марко?

– Синьор Дюваль! Рад встрече.

Джеф тоже сел.

– Вы здесь один? Я ожидал двоих.

– Ах да. Мой партнер был вынужден задержаться, не по своей воле. Мы встретимся с ним завтра у подножия лестницы на площади Испании, если вам удобно.

Джефу это было неудобно. Он ненавидел работать с другими людьми. За исключением Трейси. Обычно следовал правилу никогда не доверять мошеннику и потому предпочитал действовать самостоятельно. К сожалению, в одиночку невозможно было украсть чашу Нерона у Роберто Климта из его суперохраняемой коллекции.

– Марко и Антонио – лучшие, – заверил его Гюнтер. – Оба грабители мирового класса. Все делают идеально.

«И что именно они делают, Гюнтер? – подумал сейчас Джеф. – Лезут в форточки, как акробаты из бродячего цирка, и плевать хотели на важные встречи?»

Хуже всего, что кто-то уже проболтался о планируемой операции. До Джефа дошли слухи почти в ту же минуту, как он вышел из самолета. Сам он ни с кем словом не обмолвился, как и Гюнтер.

Джеф подождал, пока мимо пройдет женщина, прежде чем прошептать на ухо Марко:

– Все должно быть готово к завтрашней ночи. Вам обоим нужно знать свои действия безупречно. Среда – единственный день, когда возможно сделать это, ясно?

– Конечно.

– Никаких задержек.

– Не волнуйтесь, друг мой. – Усатый широко улыбнулся. – В прошлом мы проделывали в Риме еще и не такое.

– Такое вы точно не проделывали. Увидимся в десять. Не опаздывайте.

Этой ночью, в постели, он включил лэптоп и перечитал все, что послал ему Гюнтер, о Роберто Климте. Отвращение и гнев снова охватили его, только укрепляя решимость.

Два года назад и без того пользующийся дурной славой Климт совратил двух молодых цыганят. Разыграв богатого покровителя, который мог предложить им образование и лучшую жизнь, он заплатил матери мальчиков тысячу евро, чтобы та позволила им сопровождать его в путешествии по Европе. По возвращении в Рим старший мальчик пожаловался на Климта властям, но благодаря связям и толстому кошельку арт-дилера дело до суда не дошло. Семья отвергла мальчишек из-за некоего странного кодекса чести, и две недели спустя бедняги, спрыгнув с крыши высокого здания, разбились насмерть.

Джеф никогда не забудет омерзительного Уилбура Трэвика, старого гадальщика на картах Таро в луна-парке дяди Уилли. Уилбур изнасиловал многих детей, прежде чем подобрался к Джефу, который положил конец карьере старика ударом колена, умело направленным в пах. Уилбур был негодяем, но не имел такого влияния, как Роберто Климт, который знал, что закон его не коснется.

Зато Джеф ударит Климта в самое больное место.

Оставалось молиться, что Гюнтер оказался прав насчет Марко и Антонио и они его не подведут. План Джефа был смелым и отчаянным, но требовал абсолютно точной согласованности действий нескольких человек.

Секьюрити Климта была на уровне спецназа. И благодаря какому-то болтливому языку члены команды уже знали о том, что готовится кража чаши Нерона.

Джеф почувствовал, как в крови бушует адреналин.

Операция началась.

– Его зовут Джеф Стивенс. Представляется продавцом произведений искусства.

Роберто с каждой секундой раздражался все больше. К этому времени он уже должен был находиться в загородном доме и наслаждаться профессиональным минетом нового юноши, настоящего красавца. Вместо этого он по-прежнему торчал в Риме, советуясь с главой секьюрити – жирным типом среднего возраста с пятнами пота под мышками.

– Остановился в «Отель де Рюсс» под именем Антуан Дюваль.

– И что? Сделайте так, чтобы его арестовали, – отрезал Климт. – У меня нет времени слушать этот вздор.

– К сожалению, он еще не совершил преступления. У полиции есть неприятная манера тянуть время, когда речь идет об аресте иностранных граждан, занимающихся своими делами.

– Вы следите за ним?

Глава охраны принял оскорбленный вид.

– Конечно. Похоже, он собирается совершить налет на квартиру. Вчера встретился с Марко Риццолио – одним из лучших взломщиков в Южной Европе.

Роберто немного подумал:

– Может, увезти чашу сегодня? В качестве дополнительной предосторожности?

– Вряд ли это необходимо. Я хочу убедиться, что перевозка будет полностью безопасной. Анжело заболел, так что мы проверяем нового водителя. Мы сможем перевезти ее завтра. Это на день раньше запланированного срока и должно сбить со следа мистера Стивенса и его друга.

Роберто потянулся и зевнул, как скучающий кот.

– В таком случае я останусь в городе еще на одну ночь, рядом со своей вазой. И позвоню другу в полицейском участке. Посмотрим, нельзя ли подтолкнуть их немного.

– Это не понадобится, мистер Климт. Наша команда с этим справится. Откровенно говоря, вмешательство полиции может принести больше вреда, чем пользы.

– Не сомневаюсь, что вы предпринимаете все необходимые меры. Но я собираюсь позаботиться о том, чтобы этот тип Стивенс провел остаток своих дней в итальянской тюрьме. А для этого нам нужна полиция. Все будет шито-крыто, не волнуйтесь.

Он взял телефон и стал набирать номер.

Джеф позвонил Гюнтеру:

– У меня нехорошее предчувствие. Что-то идет не так.

– Дорогой мальчик, у тебя всегда нехорошее предчувствие накануне дела. Боязнь сцены, ничего более.

– Твои парни, Марко и Антонио, – ты им доверяешь?

– Полностью. А что?

Джеф рассказал Гюнтеру о слухах, которыми полнился преступный мир Рима.

– Где-то протекает, как из лопнувшей трубы. Мне уже дважды пришлось менять план. Видел бы ты, как охраняется его квартира! Собаки, лазерное слежение, вооруженные охранники. По ночам Климт спит с чашей, как с игрушечным медведем. Они нас ждут.

– Прекрасно, – заявил Гюнтер.

– Легко тебе говорить.

– Полиция что-то знает?

– Нет. С этой стороны все тихо.

– Еще лучше.

– Да, но нужно действовать быстро. Даже итальянцы иногда на это способны.

– Итак, когда?

– Завтра. Надеюсь, Антонио справится. Он кажется абсолютно спокойным. Но что, если кто-то узнает его в той машине?

– Все будет в порядке, Джеф. – Гюнтер повесил трубку.

Жаль, что ему так и не удалось убедить Джефа.

«Можно пойти на попятную, – напомнил себе Джеф. – Еще не поздно». Но тут он вспомнил о двух несчастных цыганских подростках. Для них уже слишком поздно. «Иди в ад, Роберто Климт. Завтра все будет сделано».

– Все назначено на завтра.

– Уверены?

– Уверен.

Луиджи Валаперти, шеф полиции, нервно барабанил пальцами по столешнице. Остается надеяться, что информатор окажется прав. Роберто Климт – человек, которого он не хотел бы разочаровать ни при каких обстоятельствах. Его предшественник ушел на покой три года назад и живет в роскошной квартире в Венеции, купленной для него Климтом. Шеф Валаперти уже присмотрел виллу в окрестностях Пизы. Вернее, если быть точным, присмотрела его жена. Сам Валаперти и его любовница предпочитали любовное гнездышко стоимостью под два миллиона евро с двумя спальнями, окна которых выходили на Колизей. Возможно, счета Климта за химчистку были на большие суммы, но Луиджи Валапетри не отличался жадностью.

– Его сообщникам поручена вся черновая работа, – продолжал информатор. – Можете поймать их на месте преступления, заслужить лавры героя, а позже арестовать Стивенса в аэропорту, когда он попытается сесть на восьмичасовой рейс

«Бритиш эруэйз» до Лондона.

– Без чаши?

– Чаша будет при нем. Или то, что он посчитает чашей. Мы знаем место, где они появятся, так что можете организовать там засаду.

Шеф Валаперти нахмурился.

– Каким образом вы получили эту информацию? Откуда мне знать, что вам можно доверять?..

На другом конце линии повесили трубку.

Роберто Климт смотрел в тонированное окно бронированного городского автомобиля. Город остался позади. Холмы вокруг Рима, тополя и пинии, древние виллы, терракотовая черепица которых провалилась внутрь почти осыпавшихся каменных стен, наверное, не изменились со времен императора Нерона. Любовно сжимая в руках чашу, Климт представлял этого легендарного, безумного, всемогущего человека, проделывавшего такое же путешествие. Оставлявшего волнения Рима позади ради покоя и удовольствий провинции. В этот момент Роберто чувствовал некое родство душ с Нероном. Бесценный золотой артефакт у него на коленях не зря принадлежал ему. Он был предназначен для него. Радость и гордость владельца были невероятными.

Интересно, когда Антуан Дюваль собирается совершить налет на его квартиру? Роберто представил, как это будет. Вой сигнализации разносится по всей виа Венето, металли-

ческие решетки опускаются, отсекая выход. Полиция уже ждет на окружающих улицах и в переулках, готовая схватить преступников.

Он улыбнулся.

Шеф Валаперти был глупцом, но понимал, с какой стороны намазан маслом его хлеб. Он мудро стянул значительные силы, чтобы поймать подлых воров, хотя знал, что сама чаша в безопасности. Роберто Климту не терпелось лично встретиться с пресловутым мистером Джефом Стивенсом. Возможно, это произойдет на суде. Или позже, когда Джеф окажется в тюремной камере. Очевидно, на счету Стивенса за его долгую криминальную карьеру немало ограблений лучших галерей, ювелиров и музеев мира, не говоря уже о частных коллекционерах.

Но в лице Роберто он встретил достойного соперника.

– Уже близко, синьор, – раздался голос водителя в переговорном устройстве.

Климт раздраженно поморщился. Его прежний водитель Анжело никогда не был настолько нагл, чтобы без разрешения вторгаться в мысли хозяина. Где только шеф секьюрити его выкопал?

В этот момент две патрульные машины с включенными сиренами остановились за ними.

– Какого… – Климт вцепился в дверцу машины, боясь за свою жизнь, когда водитель внезапно прибавил скорость, так что чаша едва не полетела на пол. – Ты в своем уме? – про-

ревел он. – Остановись! Это полиция!

Но водитель, игнорируя его, стал бешено петлять между двумя полосами движения, чем вызвал какофонию гудков.

– Я сказал «остановись», идиот!

Климт увидел паническое выражение на лице водителя, когда тот резко свернул с шоссе. Они мчались так быстро, что на какое-то ужасное мгновение Роберто показалось, что машина сейчас перевернется и оба погибнут. Вместо этого одна из патрульных машин обогнала их и перегородила дорогу, вынудив водителя нажать на тормоз. Они остановились у обочины дороги.

– Чашу! – завопил водитель. Он открыл перегородку и угрожающе подался к Роберто. – Дайте мне чашу!

– Никогда!

Климт сжался на заднем сиденье, прикрывая чашу собственным телом, как персонаж романов о хоббитах Голлум, защищающий бесценное кольцо.

– Ради всего святого, отдайте ее мне! У нас мало времени.

Огромный полицейский рывком открыл дверцу со стороны водителя. После короткой борьбы водителя вырубили мощным ударом по затылку. Роберто испуганно взвизгнул, когда потерявший сознание человек свалился на него.

– Вы в порядке, мистер Климт?

У окна появились двое других полицейских. Всего их было трое.

Климт кивнул.

– Простите, что так напугали, – сказал гигант. – Нам стало известно, что в последнюю минуту Джеф Стивенс изменил план. Настоящее имя водителя – Антонио Мальдини. Он мошенник, блестящий мошенник. Интерпол уже десять лет его разыскивает.

– Но моя охрана – лучшая в Италии, – пробормотал Климт. – Этого человека тщательно проверили.

Огромный полицейский пожал плечами.

– Как я уже сказал, Мальдини – профессионал. Подделать результаты проверки для него пара пустяков. Он садист и забил бы вас до смерти, а потом оставил труп на обочине и забрал чашу.

Роберто затрясся.

– Мы арестовали его сообщника Марко Риццолио сегодня на рассвете, – сообщил полисмен.

– А Джеф Стивенс?

Полицейский бросил взгляд на товарищей и нахмурился.

– Пока что нет, синьор. Сегодня утром полиция нагрянула в его отель, но похоже, что он на шаг нас опережает.

– Далеко он не убежит, синьор Климт, – добавил другой полицейский, наблюдая, как темнеет лицо арт-дилера. – Шеф Валаперти расставил заставы по всему городу. И в аэропорту тоже.

Антонио Мальдини тихо застонал, явно начиная приходить в себя. Один из копов надел на него наручники и с помощью коллег посадил на сиденье рядом с Климтом.

– Шеф Валаперти просил проводить вас обратно до города, – сказал гигант. – Нужно, чтобы вы сделали заявление. И я боюсь, что артефакт, за которым гоняется шайка, должен быть использован как улика.

– Плевать, – пробормотал Роберто. – Только поймайте этого ублюдка Стивенса.

– Обязательно, синьор, не волнуйтесь. Его план провалился, синьор Климт. Он не уйдет.

Обратная поездка в Рим заняла менее сорока минут. Антонио Мальдини, все еще прикованный к дверце, то приходил в себя, то вновь терял сознание рядом с Климтом, когда они подъехали к штаб-квартире полиции на площади Испании.

– Подождите здесь, пожалуйста, синьор, – сказал гигант.

Один из полицейских осторожно взял чашу затянутой в перчатку рукой, сунул в прозрачный пластиковый пакет для сбора доказательств.

– Шеф Валаперти сам проводит вас в здание. Поговорите в допросной.

– А как насчет него? – Роберто Климт нервно показал на Мальдини.

– Он ничего не сможет вам сделать. – Полицейский самодовольно оглядел мужчину в наручниках. – Хотя, если предпочитаете, чтобы с вами остался кто-то из моих людей…

– Нет-нет.

Роберто был слишком тщеславен, чтобы признаться в собственных страхах, особенно в присутствии такого красавца полицейского.

– Это ни к чему. Только поскорее, хорошо? Я бы хотел, чтобы с этим было покончено.

– Разумеется.

Все трое поспешили в здание, закрыв предварительно машину. Роберто слышал, как щелкнула дверца, и осторожно посмотрел на скорчившегося рядом человека. Всего несколько часов назад Антонио Мальдини собирался его убить, ограбить и выбросить труп на обочину дороги. Недаром полицейский сказал, что он не только одаренный мошенник, но и садист.

Роберто снова затрясся. Антонио уже перехитрил его охрану, что ему стоит освободиться от наручников?

«Он может очнуться и одолеть меня, взять в заложники. Что ему терять?»

Прошло пять минут. Десять.

Ни полицейских, ни шефа Валаперти. В машине становилось душно. Мальдини стонал и что-то бормотал насчет чаши. Скоро он полностью придет в себя.

Роберто попытался открыть дверцу, которая оказалась заперта снаружи. Он нажал на кнопку открывания двери – ничего.

Чувствуя, как нарастает паника, он попытался перебраться на переднее сиденье. Сейчас, со сбившимся набок гал-

стуком и растрепанными светлыми волосами, он выглядел смешно, поскольку чуть не застрял между задним и передним сиденьями. Но ему было все равно. Плюхнувшись наконец на место водителя, он обнаружил, что эта дверца тоже не открывается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.